

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ

10-го марта 1929 г.

П Р А Г А

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

31

31

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го березня 1929 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Любовь Самсонова*: В бреду.
 2. *Ис. Быкадоров*: Загадки казака Д. З. С. в Москве Белокаменной.
 3. *Ахмед Цалыкаты*: Судьба.
 4. *М. Забігайло*: Вільне Козацьке Військо.
 5. *Борис Кундрюцков*: *.* Стихи.
 6. *А. Персидсков*: Казачьим поэтам.
-
7. Первый эмигрант.
 8. *В. Т-а*: Іншої поради не маємо.
 9. Инж. *В. Бейсуг*: О географическом положении К. З.
 10. *Санжа Балыков*: Попытки национального объединения Калмыцкого народа.
 11. *Вл. Куртин*: Моя первая встреча с Федором Андреевичем.
 12. *Сергей Makeев*: Константинопольские картинки.
 13. Думы и мысли: Неотложная реставрация. *В. П. Елисеев*. Казаки о „В. К.“
 14. Международная жизнь.
 15. Казачья эмиграция.
 16. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“.

Борнео. — В. М. — Журнал посылается.
Белград. — П. П. — Получено. Привет!
Белград. — Б. К. — Присланная фотография подойдет. Привет!
Болгария. — П. К. — Послано.
Billancourt. — Т. — Спасибо за присланный материал.

Далмация — В. К. — Письмо получено. Ответ будет потом письмом. Привет!

Виши. — Ф. Е. — „Восстание“ получено. Пойдет в ближайшем номере. Давно уже пора самим казакам писать о себе, о своем недавнем, таком тяжелом и трагическом, писать истину, факты... А то чужие пишут о нас, да только нам от этого не здоровится... И если уж мы, „старшие казаки и военные руководители, в силу отсутствия опыта и малого сознания своей исторической роли“, не справились со своей задачей в прошлом, то нужно, чтобы мы во второй раз не оказались „девами неразумными“, или чтобы наш опыт послужил хотя бы небольшой школой следующим поколениям. А для этого, правильно говорите Вы, надо открыто и честно посмотреть прошлой правде в глаза. Если мы не были готовы тогда, будем готовиться к будущему.

— „Как все это сделать?“ — вопрос, который стоит не только перед Вами, а перед каждым из нас. И чтобы правильно ответить на него, надо прежде всего одно решить: кому должно принадлежать решение вопроса о дальнейшей исторической судьбе Казачества — ему самому, или кому то другому? Если — другому, то тогда отпадают все вопросы. Тогда — по нашему — смерть Казачеству. Если же Казачество умирать не хочет, если оно желает взять свою судьбу в свои руки, если мы все придем к этой основной мысли, то тогда мы сможем легко ответить

на вопрос: „как все это сделать?“ Если одни из нас будут разбиты по разным чужим группировкам, если другие будут держать „нейтралитет“ до „выяснения ситуации“ (как держали его некоторые в 1917—1918 годах), то тогда и в ближайшем будущем будем повторять то, о чем Вы пишете в своем „Восстании...“

Иного выхода Казачеству, кроме, как самому позаботиться о самом себе, — нет! Спасать нас чужой кто по своей инициативе не будет. Да и откуда он знал бы, что мы такого спасения хотим? Но если всем будет ясно, что мы сами прежде всего хотим своего спасения, что не хотим быть коммунистическим быдлом, или бессловесным придатком к кому-либо (в этом последнем случае говорили бы с самим папом, а не с підпанком), то тогда только и можно бы было рассчитывать на „шансы, возможности, плюсы...“

Если горит сосед, то другой сосед, в своих собственных интересах бежит на помощь. Но если сам горящий сложит руки и поддастся безнадежному „не трайте, куме, сили, — пускайтесь на дно“, то и сосед ограничится только спасением своего, будет смотреть, чтобы пожар не перебросился на его дом...

Сотрудничеству вашему очень рады. Искренний привет Вам и казакам Вашей станицы.

Пожаревац. — Л. С. Н. — Письма и „приложение“ получены. Журнал посылается.

Франция. — С. — Письмо и „очередное“ получены. Большое спасибо. Привет!

Франция. — М. С. — К сожалению, своевременный ответ на ваше письмо, из-за болезни редактора, не мог быть послан.

Югославия. — А. Г. — Получено. Привет!

Югославия. — М. З. — Получено. Привет!

Югославия. — Г. М. — Получено.

Розничная продажа журнала:

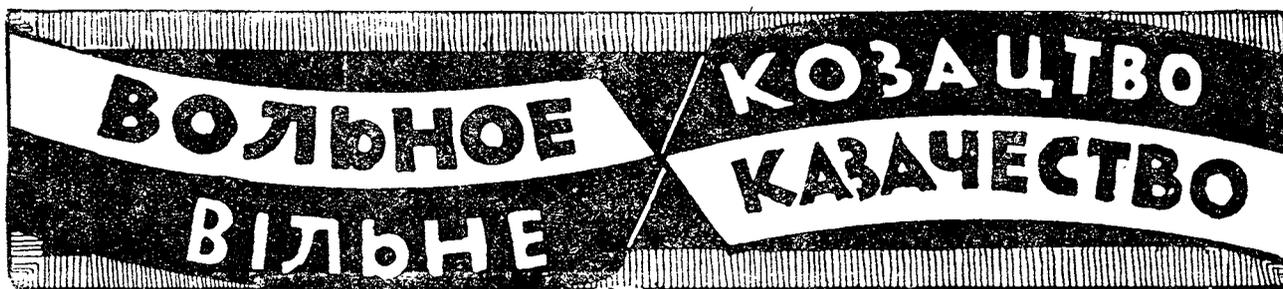
В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Éditeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги — граничных и советских изданий.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

.....

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 31

Прага, воскресенье 10-го марта 1929 г.

№ 31

Любовь Самсонова. (Прага).

В БРЕДУ.

Ночь протекает томительно...
Сонная тишь...
Кто это шепчется там,
Тихо скребется, как мышь?!.
Голову ломит от боли!..
Воли мне, — воли!..
Тело сковали, как льдом,
Обруч виски мне сжимает,
Жажда когтями своими
Грудь все больней раздирает.
Ночь сторожит тишину,
Жизнь протекает по каплям.
Кто-то смеется в углу:
„Схвачен ты мертвою хваткой!“
Зубы в зверином оскале блёстят...
— Сколько их?
Что они все здесь хотят?!
Мама родимая, где ты?
Нет ее, —
Нет ее,
Нету!
Ха, ха-ха-ха, ха, ха, ха-ха-ха-ха —
„Умерла уж, давно умерла!
Что, ай забыл?
Засмеялись... Пропали...
... Маму мою без меня закопали,
Маму мою без меня...
Нет, не так!..
Мама меня ожидает в степях,
Юным я, сильным, здоровым вернуся —
Вот твой сынок!
Ох!.. Что я?
Мама моя... ведь, давно умерла...
Болен я, брежу, от старых ранений
Больно моей голове.
Болен... в палате один на постели,
Что-то мерещится мне...
Мыши бегут все... несметные полчища —
Глазки, как бисер, блещат,
Лезут к кровати, грызут одеяло...
Душно мне... страшно...с'едают!..
Надо молиться, просить!..

Не умею,
Все позабыл,
Помню... как сотня редела —
Бога в последний я раз попросил, —
Брата убили, лежал как живой
Братишка любимый...
Вечный покой!..
.....
„Что ж! Помолись!“
Кто-то мне темный грозитя —
„Вымолишь — вечную тьму!
Прочь, ты лукавый!..
Ей, Господи, — верю,
Верую в волю Твою!
Верю, что жертва нужна была Родине
Иначе, Боже, крови сколько, крови
Было пролито за Дон и за Волю!
Если не нужно все было —
Тогда...
Черной змеею впилая тоска,
Сердце теряет последние силы,
Черная тьма мои очи покрыла,
Мыши грызутся в мозгу!..
Мама стоит на пороге с братишкой —
Ждите, родные, иду!..
.....
Степью широкой иду без дороги,
Крестики никнут в пыли...
Чьи это кости гниют, позабытые?..
Ветры к ним путь замели.
Крестики,
Крестики,
Крестики,
Крестики...
Лес уже черных крестов...
Боже! какая могучая армия
Мертвых Донских казаков!..
Видишь, встают!..
Все здоровые, смелые!..
Братья, друзья, сколько лет!..
Кости холодные, кости истлевые
Жутко стучат мне в ответ.

Да я и сам из костей,
 Сам скелет!..
 Мыши сожрали мне душу и тело,
 Сердце от горя, как уголь, сгорело...
 Крест заслоняет любимые лица.
 Мне к ним... уже не пробиться!
 Черная яма, провал,
 Отдых, нирвана, обман?..
 Боже! последние силы собираю, —

Крест Твой тяжеле свища...
 Кто же суровее?
 Ты ли, о Боже?
 Мир ли распявший Христа?!..

Ночь угасает медлительно,
 Стынет холодная тишь,
 Тени ползут к изголовью,
 Спряталась юркая мышь.

Ис. Быкадоров.

Загадки казака Донской Зимовой Станицы в Москве Белокаменной.

(Снято *бывший скрз*).

(Продолжение).

Собралась по обеде станица на стан, и Михайла Гаврилыч поставцы так поделил: один поставец дал атаману с есаулом (станичники присудили их почествовать за преуспевание войскового дела тайного на Москве), один поставец взял пополам с кумом своим Михайла Гаврилыч, а 4 остальных пошли на станичников, а по-е того уже меж собой казаки поделились и полюбовно меж собой кусками обменялись.

Поговорив, решила Зимовая Станица в ответ замоскворецких купцов пир-беседою почествовать и определили из добытой казны 50 рублей пропить, а остальные 20, придержать на всякий случай. Не в одном кабаке, а в двух с купцами разместились, кое-кто и из московских присоседился. Пьет да гуляет народ, речь-беседу ведет про потеху словами перекидывается, песнеивается, а купцы и бороды свои поглаживают.

И полюбопыгсговал один из них поглядеть половинки аршина, как они, зная, были пересечены и Михайлу Гаврилыча о том спросил.

— „Да нешто можно такую накость при себе держать, — ответствует Гудима: „аршин то может заговоренный был, может какое заклятие на нем было наложено. Со мной беды никакой не стало, потому я крестное знамение сотворил, а, храни Бог, кому попадутся незнающему — великая беда может приключиться. Как шел я с потехи с товарищами через Москву-реку, так от греха я их в прорубь и вкинул“.

А кум Гудимы, Степан Каракор, взглянул на него, и говорит, усмехнувшись:

— „Дшо це ти, куме, від своїх людей криєшся: кажеш, що може аршин був і заворожений, — він таке дійсно був заворожений“ — и, обратившись к купцам, говорит:

„Бросив от Михайло Гаврилыч половинки залізни в полонку і щоб же ви думали, люде добрі, — вони не вращають, на воді плавають. Де ж це на світі було так, щоб залізо плавало? — не дарма ж то, видно, Михайло Гаврилыч і перехрестив їх та тоді тільки і в воду кинув — вони після того на дно і пішли. Та воно, люде добрі, і так було видно, що якась ворожба біля того аршину була: „аршину тому в огне не гореть и в воде не тонуть“, а втопиться чи згорить, хто володів би ним, чи то загубить его, себ то перерубать той аршин взяв-ся. Був заворожений, може дійсно протів Михайла Гаврилыча, та хрест святой його зберіг, а тому що проті нього чарування не взяло — могла трапиться пригода с кимсь иншим, хто б ним володів, кому б він було попався. От так люде добрі, діло було. А кому треба над аршином ворожити, то то вже самі гадайте, ви люде тутешні, то може й знаєте“.

А купцы про себя думают: „ишь казаки народ-то кикой разумный, опасливый и какой до всего дошлый; а боярин, боярин то Плещеев-каков, на безвинного казака поклеп возвел, а с нечистой силой сам, выходит, знается. Казакам может и ненадогадку — кто заклятие наложил, ну да они люди чуждадельные, а нам то добре ведомо, беспременно боярин Плещеев“.

Сидят казаки в ушцами речь-беседу ведут про жизнь, про обы... московские и купецкие; рассказывают казаки купцам и про страны заморские. Не один из них бывал в полону, в разных землях, насмотрелся на жизнь всякую.

А как станет говорить атаман Зимовой Станицы Михайла Дмитриевич Каторжный, так у всех руки с чарками, у кого и со стопами, на стол и опустятся, любо послушать не токмо москвичам людям, а и самим казакам. И в каких землях только за свой полон не привелось быть Михайло Дмитриевичу: был и в Турской и в Цесарской и Венецейской землях, в „Масун-городе“ *) без малого год прожил, а там люди со стран всяких бывали. Довелось и в граде Иерусалиме быть, святым местам поклониться. По началу в гребцах был на турецкой каторге, тогда и клеймение на лице принял; потом у турецкого посла в слугах, аль как в охране был; а как умер тот, купцу грецкому был продан, с ним по свету долго мыкался. на 10 году уже из полона выбрался.

Может кому видеть, как люди в разных землях живут, так без последствия прошло б да только не Михайле Дмитриевичу; пуще всего тротрелся он какие порядки и обычаи ратные в разных землях есть. Были в то время на Дону такие Атаманы: Михайло Татаринов, Наум Васильев, Василий Яковлев, Осип Петров. Ежели бы в другое время хоть один из них был, и с одним таким войско Донское не ошало б, а все-же и Михайлу Дмитриевича Каторжного в войсковые атаманы войско Донское выбирало; зная, не плоше их был, не один год он войсковым был.

А как можно было на Москву в Зимовой Станице атамана послать дело великое тайное совершить, то иног послать было и некого: мудрее его послом быть в войске и не нашлось бы.

За полночь уж пир-беседушка шла, как стал говорить самый старший из купцов замоскворецких казаку Гудиме:

— „Останься, Михайла Гаврилыч поживи у нас на Москве год другой, хошь лавку торговать предоставим тебе, хошь так слободно поживи на нашем иждивении. Дело ж купецкое такое, ежели умеючи взяться да в руку пойдет, то денга к денге так и катится; кажется купец Панкратов с пустого начал, дело будто как и не спорилось, а теперь торговля так пошла, что товару только подавай. Отпусти ты его, Михайла Дмитриевич“, стал просить купец атамана.

А Михайла Гаврилыч, дослушал то и закатился, аж понерхнулся, и вопрошает: „Стало быть пожить, как купецкий сын Илюна Епифанец у боярина Плещеева живет? Сменять слоблю казацкую на аршин купецкий: снаряды будто разные и владеть орудовать ими надобно по разному“, закатился, что уж дальше и слова молвить не может.

*) г. Мессина, в Италии.

А атаман Зимовой Станицы после так речь держал: — „Жизнь, обычаи и присуд казачий у нас на Тихому Дону не таковы, чтоб я мог отпустить, аль препятствовать Михайле Гаврилычу. И разум и воля у него своя, как и у каждого казака. Воля войска всего великого Донского в нынешний год послать меня в атаман-нах Зимовой Станицы, а его в станпчниках; а на будущий год может быть такова будет, что придет он в атаманах. На то воля всего великого войска Донского и превыше ее нет у нас иной.

Но кроме ее есть у каждого казака своя воля вольная. Да только от пращуров наших так повелось, что не токмо не чураются казаки воли войсковой, а к ней и к своей земле, Тихому Дону, изо всех мест гребут и пригребают: на том и войско стоит, и как не велика сила у наших недругов, супротивников, никак войско подолеть не могут хоть и тохнешенко им от нас приходится.

Приключится казаку в полону б'ять, разной жизни навидаться, разных земель понасмотреться, а все же только о том он и помышляет, как бы из полона выбраться, в свой родимый край возвратиться. Нет жизни нашей вольной, честь и славы нашей превыше, земли родимого Дона краше, воды его слаще.

И по 5, и по 10, и по 15 лет бывають в полону, долго приходится иному из неволи выгребать, выберется на волю и волюшку свою Донскому войску и преклонит.

И нет, братцы, честнбе купечество, не в обиду то будет вам сказано, более гиблого места для казака, как Москва: и жизнь, обычаи, присуд тут иной, хоть и одной веры и языка мы с вами. Пожить казаку года с два в Москве — не токмо силы, но и разума своего лишиться.

Рек я, что и вера и язык у нас одинаковы. Да что же, вера у нас и с греками одна, а язык почти одинаков и у нас и у болгар и сербов, которые за Дунаем рекой живут, и с черкасами*).

И обычаи, и жизнь, и присуд, да и разум у нас с вами, московскими людьми, разные. Хоть и вера одна, а веруем мы по разному. Определил нам Господь свою, от других народов особую.

Поглядять, птицы — все летают, у всех крылья есть, а жизнь Бог дал каждой породе особую. А в заморской стране видал я и такую птицу — страуса, с барана будет, только на ногах высоких, и крылья у нее есть, а никогда не летает, зато так бежит, что и на коне не угонишься. А водится та птица в жаркой земле, где черные люди, эфиопы живут... Одни птицы в поднебесье летают, на скалах гнезда вьют, другие в степи иль в лесу поют, там и живут, иные во дворе кудахтают, из навоза еду себе выбирают. Всякому творению надо кормиться, пропитание себе добывать. Что-ж то было бы, ежели б сокол на воде стал плавать, а чепура на дереве гнездо вить — дело то покле невиданное.

Всякой породе Господь свой удел определил; так Московского царства людям и казакам донским; казаку саблей, а купцу аршином владеть. Всякая животины от природы все в себе имеет: положи яйцо соколиное под квочку, сокол выведется, а не курица, так и человек — из какого роду и племени, таковому и бытъ.

Уразумел и ты, чай Селевентий Григорьевич, — обратился атаман к купцу, как — Михайле Гаврилычу чепурой сесть на дерево не любитсья?

Засмеялись все, и стало всем яснее ясного, что неслучайное дело купцы замыслили. А казаки думают: „Ровно неразумные вы дети, ничего то не знаете, не ведаете, да как же это можно теперь казаку на Москве остаться, кто бы на то отважился, ежели месяца через полтора, два, войско под Азовом будет, а там вскорее в нем самом“...

Всю ночь напролет, до самой зорюшки утренней пили гуляли казаки, замоскворецких и московских купцов, кто с ними был чествовали, речь-беседу вели.

Да как определили станицники, всё полагаемое, все 50 рубл'ев и пропили до последнего алтына, по казачьему, до последней денежки.

*) Черкасами в XVII в. называли часть украинского народа в бассейне среднего Днепра; запорожцы назывались запорожскими черкасами.

Ни один, а целых шесть д'ен с потехи той, а Михайле Гаврилычу все не случилось с купцом Трифоновым по душам погугарить, побеседовать.

Два раза был купец на стане казаком, гостинцами его чествовал и на дом все звал, хотел побеседовать и на дому почествовать. Был Михайла Гаврилыч у него на дому и хозяйошку-молодаюшку его видел, познакомился, да люди были — купецкие сродственники, побеседовать то по душам и не случилось.

Привелось и вдругорядь прийти в субботний день, ввечеру, когда уже лавки и лабазы свои позакрывали люди торговые, купцы московские.

Помолился на иконы Гудима и хозяину с хозяйошкой в пояс поклонился, поучтивому поздравствовался. А купец с женой по имени по отчеству его величают, в пояс поклон в ответ отвесивши, в угол красный на скамью сажают.

— „Как Господь Бог вам помочь подает в трудах ваших? — вопрошает Гудима: „как торговля идет?“

— „Слава Богу, Михайла Гаврилыч. Так торговали, так торговали, что и перед Святой неделей так не уторгуешь“. Метнул на нее купец глазами; заткнись, не тебе, мол, с гостем таким беседу вести, не твоего бабьего ума то дело.

— „По гроб жизни своей должен я тебя, Михайла Гаврилыч, благодарить и за тебя Бога молить: благоденствовал ты нас. Торгуем, благодарение Богу, так, как допрже сего николи не торговали; а теперь, кроме меня, никоторый купец на Москве не торгует — всех их аж зависть берет. Народ, Михайло Гаврилыч, в лавку валом валит; да ни какой-нибудь, кому и купить не на что, заходит лишь ласы точить, а все бояре, люди приказные и из духовенства которые. Идут, товар возмут и после вопрошают, будто как между делом так; а с того и в лавку идут, что загадал ты, Михайла Гаврилыч, московским людям загадочки.

Вопрошают, любопытствуют, как боярин Плещеев заклад взять пособил; аршин железный в поставец по дурости своей, засунул; как ты это его об'егорил, шесть поставцев товару взял, да 100 рублев еще на придачу. Иные, которые, Михайла Гаврилыч, и сумлеваются, не прошибсья ли, не больше ли того взял бы, ежели б товаром взять и из лавки вынести вознамерилсь; все гадают о том, будто как тебя и жалеючи. А более всего любопытствуют и меня пытаются, сборол бы ты медведицу, иль нет; истинно не в „честь“ тебе было с нею дюжиться, аль было то увертка казацкая. А как знать мне о том, да говорю я всем — беспрерменно сборол бы, да еще и удавил бы ее, потому и сказал казак: „пушай поживет еще; да на свет Божий порадуетсья“.

Намедни и своя потеха в лавке случилась: как заспорят два боярина, супротивника, давно меж собой „местничались“, может с год и не видались, и где ж, в лавке купца Трифонова и привелось им встретиться. О том речь шла: с аршином железным или без оногo легче поставец сечь; по дурости ли своей боярин тому веру дал, а казаки над ним просто на просто насмеялись. Заспорили так, что за грудки едва не вzialiся. А после того и отобрали по поставцу целому да и еще товару всякого, друг перед дружкой выхваляючись, поторговаться и не подумали; спесь у наших московских людей, а особливо у бояр, что говорить, великая“.

А жена купецкая понаставила на стол, настольником застланный, всяких яств, постного и скоромного, горячего вина, медов да настоев своих самодельных, а на них она была мастерица великая, на весь околodок своей славилась.

Потчуют Михайлу Гаврилыча хозяин-купец с хозяйкой, в чарку питья подливают, на блюдо подкладывают ему всего всякого и речь-беседу ведут.

А как всего поубавили за вечерей той, отполочинили, спровадил купец жену свою к соседке-свахе своей, чтоб по душам с Михайлом Гаврилычем побеседовать, знать, без всяких „послухов“, хоть то бы и жена была законная; а может и приметивши, что хозяйке-молодаюшке казак то вот как приглянулся; как кошка с сала глаз своих не сводит его женушка... На засов залеп дверь купец, поближе к казаку подсел и стал сказывать:

— „Как на духу, Михайла Гаврилыч, сулилсь я тебе во всем покайтсья, и покаюсь тебе во всем воистину.

Замыслили с поставцем да и с аршином железным, знать, боярские приспешники; умом своим боярину было б до того не додуматься. Ни в чем перечить я не мог ему, Михайла Гаврилыч, в долгу у него был; а на Москве у нас с сильным бороться, с богатым судиться и не помысли и не подумай.

Пришли мы в лавку с боярином, и сказал он мне про умысел свой — поддеть тебя, чтобы ты поставец сукна пересечь взялся и посулить в заклад товару столько, сколько ты враз из лавки вынести сможешь, а после и велел мне подать ему поставец сукна. „Где же это на свете было видано, чтобы поставец сукна пересечь можно было, пропадет ожерелье казачье и зачем он“, — думаю это я, Михайла Гаврилыч, сокрушаючись, „и зачем это он на это дело отважился? А пострадать не токмо казаку, а и мне придется: за поставец то сгубленный с боярина мне казны ни в жизнь не сыскать“. Да сам Господь надоумил меня, как пострадать мне поменьше от потехи той.

Был у меня поставец, всего на всего один и был такой, с виду как следует быть, ничем неприметный, а товар то в нем был лежалый, от сырости что ль, сукно в нем малость сгубилось. Опасался я из него своим московским что продать, не навернется ли кто заезжий, все ждал.

И надоумил меня сам Господь Бог, поставец тот боярину всунуть. Взял он у меня поставец из рук, а потом сгреб с прилавка аршины, железный „орлений“,

да такой же совсем схожий по виду деревянный, повертел ими что-сь и чтож — окоянный, засунул аршин железный в поставец, что не видать его; а потом посмеиваясь и говорит: „пусть иродов сын закусточкой сей подавится, в глотке у него застрянет“. Да Господь Бог мой разум осветил и думаю я про боярина то: „и что он, окоянный, на себя же пагубу умыслил: ведь теперь то казак, хоть поставца не пересечет, а заклад то возьмет, потому мошенство боярское то откроется, как ему скрыться? Да боярину то что, а пострадать мне придется: казак весь товар из лавки упрет, — думаю я, а с боярина мне за него казны до скончания своего живота не видать: пойди, судись с ним. За что Господи наказуешь мя, Богу молюсь я: у меня и без того торговлишка еле держится, а с того придется беспреречно, с женой итти по миру; Святой Николе, заступниче, помоги. Услыхал, знать, Господь молитву мою, иль Святой Николай Чудотворец за меня предстательствовал, разум мой и просветился. Взял я у боярина поставец перед уходом из лавки, ради для будто как несения его, да неприметно для боярина железный аршин вынул, а вместо него такой же деревянный и всунул. И не ведал как все это обойдется, подумал только: после боярин то может еще и благодарить будет. А как было, Михайла Гаврилыч, боярина от той пакости унять: ежели ему в чем перечить, так уж он непременно, как умыслил, сделает. Истинно как на духу тебе покаялся“.

(Окончание следует).

Ахмед Цалыккаты.

Судьба*).

Рассказ из жизни кавказских горцев.

Вот уже несколько дней, как табунщики Даука и Буцка дулись друг на друга.

И вся то история загорелась из-за пустяков: Даука выразил порицание Буцка за то, что последний оседлал вороного коня из табуна и ездил на нем, пока Даука находился в отлучке, в соседнем ауле.

А конь-то вороной, с белым пянышком на лбу, лучший скакун в табуне, принадлежал родственнику Даука.

Уже давно Буцка лелеял мысль поездить на этом коне и только ждал отлучки то арища.

И вот в один из вечеров, когда Даука, большой любитель пображничать, отправился „развлечься“ в соседний аул, он и решил привести в исполнение задуманное.

Буцка поймал коня, оседлал его, вскочил и вихрем понесся по степи.

Никогда его душа не испытывала такого чувства радости и опьянения жизнью, как теперь, когда вороной скакун, вытянув шею и раздувая тонкие ноздри, мчал его по степи, подобно вихрю.

Буцка гикал, на всем скаку сбрасывался с коня, а затем обратно вскакивал, кидал на землю папаху и, изловчившись, подымал ее, потом снова бешенно мчался в одну, в другую сторону и на всем скаку сильной рукой останавливал коня.

Буцка был лихим наездником. Но он был беден и с завистью смотрел на своих более счастливых сверстников, которые могли гарцевать на лихих конях и „похваляться“ оружием.

И вот, чтобы как-нибудь раздобыть денег для приобретения этих столь заманчивых для всякого настоящего джигита предметов, Буцка и решил сделать общественным табунщиком.

Едва-едва Буцка успел немного поводить коня, как на беду появился Даука, будто свалился с неба, как снег на голову. Его в ауле постигла неудача и он был очень зол.

Еще издали Даука стал всматриваться, все ли в порядке в табуне. Обезжая табун, он вдруг увидел: вороной конь стоит фыркает, потряхивается, потом начинает кататься по траве, бока потные и чуть ли не вспотел пар.

Даука ничего не сказал. Лицо его сморщилось в гневную гримасу, хриплый звук вырвался из груди, но сейчас же был сдвлен и только глаза сверкнули в ту сторону, где находился товарищ.

Подъехав к Буцка, Даука бросил на него быстрый пронизывающий взгляд. Тот отвернулся в сторону, сплюнул, пустив тоненькую струю слюны сквозь два передние зуба, и, сделав беззаботно равнодушный вид, спросил:

— Что нового?

— Ничего!.. ответил так же внешне спокойно Даука, в то время как внутри у него все-клокотало от бешенства.

— Все здоровы?

— Здоровы! — ответил снова Даука, мысленно выругавшись — „ишь ты, собачий сын!“

— Хорошо угостили?

— Дай Бог, чтобы их так угощали в царстве мертвых! По ослиной ноге да будет заткнуто в пояса их матерей!.. — зло крикнул Даука, шелкнул плетью так что конь его подскочил на месте и уехал прочь.

Он не видел, с какой насмешливой улыбкой Буцка посмотрел ему вслед.

Прошли целые сутки, прежде чем Даука снова заговорил о коне. Целые сутки он перебаривал в себе злость, пока, наконец, не спросил:

— Буцка, а кто ездил на вороном коне?

— А что? — бросил Буцка тем же небрежно равнодушным голосом, отвернувшись в сторону и как бы всматриваясь в какой то черный предмет, вырисовывавшийся вдали в том месте, где степь и небо, сливаясь, образовывали изогнутую линию.

— Я поездил немного... лошадь хорошая. хотел попробовать.

Даука вскипел.

— Так знай, что я тебе скажу: эта лошадь пуцка на в табун не для того, чтобы ты на ней ездил. Заруби это себе на носу...

*) От редакции. Рассказ этот был представлен покойным автором редакции „В. К.“ еще при своей жизни. Помещаем его здесь, чтобы тем отметить и первую полугодовщину смерти большого друга „В. К.“

Буцка в свою очередь вспыхнул, и неизвестно, чем бы кончилась эта ссора, если бы в это время к табунщикам не под'ехало несколько всадников.

— Хороших дней вам, славные табунщики!.. обратились приезжие с приветствием.

— Да будет прям ваш путь, добрые люди! — ответили дружно Буцка и Даука и бросились принимать гостей.

Но, когда гости уехали, товарищи все же не примирились.

Буцка был хотя и беден, но очень самолюбив. Вспыльчивый — ему ничего не стоило броситься на кого-либо с кинжалом из-за пустяка. Может быть бедность и делала его таким обидчивым.

Так и теперь он почувствовал кровную обиду от замечания товарища, но смолчал, так как под'ехали гости и стыдно было при них сводить счеты с Даука.

Но, когда гости уехали, Буцка не находил себе больше места. Его терзало сознание, что ему нанесена обида. Ему казалось, что Даука в душе смеется над ним и считает его трусом.

Эти мысли жгли его невыносимо.

Он тоже заговорил с Даука несразу.

Сначала о чем-то постороннем, а потом неожиданно перевел беседу на вороного коня.

— Прошлый раз, Даука, ты чрезмерно выбрал меня за вороного коня, в тот час я тебе ничего не ответил, приехали гости; но должен тебе сказать, что твои слова были очень плохие слова...

— Плохие или хорошие, — ответил спокойно Даука, — но повторяю их и теперь. Я знаю, что говорю. Я тебя предупредил. А я не люблю два раза повторять одно и то же.

— А ты, что из себя представляешь?!.. — крикнул Буцка весь побагровев, — ты, что! пристав, что ли?!.. Таких как ты я много видел...

— Не лай попусту! — опять сдержанно ответил Даука, — твой лай к добру не приведет!

Слово за слово — пошла перебранка, а там и за-сверкали кинжалы. Как два раз'ярренных барса Буцка и Даука кинулись друг на друга.

В пылу схватки Даука поскользнулся, этим моментом воспользовался Буцка и нанес ему удар кинжалом по голове. С раскroенным черепом Даука упал на землю, чтобы больше уже никогда не встать...

Была ночь. Величественная кавказская ночь. Тишина. Сверкали звезды. Легкий прохладный ветерок дул с гор. От аула, расположенного в полуверсте от стоянки табунщиков, временами доносился лай собак. Табун мирно дремал.

В такую ночь радостно и свободно дышет человеческая грудь.

Буцка выгер травой окровавленный кинжал. Тяжело стало у него на душе.

Молча стоял он около трупа убитого, постепенно приходя в себя и чувствуя всю непоправимость рокового удара.

— Что делать теперь? — думал он и не находил ответа.

— Заплатить за кровь? Где-же! Это сколько же нужно заплатить?

Если бы он продал все свое имущество и имущество всех своих родственников, которые были так же бедны, как и он, то и тогда за кровь Даука этого не хватило бы. Выдумать какую-нибудь историю — ничего не выйдет, не проведешь...

Завтра в ауле будет тревога... Что делать, что делать?... Ответа не было.

Буцка тяжело вздохнул. Поднял голову к небу, родному небу, которое сверкало миллионами ярких звезд, но оно было немо и безучастно. И понял он, что так же холодно-безучастна к нему и судьба.

Посмотрел в одну сторону Буцка, в другую, как бы ища выхода, и взор его приковала темная масса леса, там, где сирава начинался вход в ущелье.

— Лес, лес... — прошептал Буцка, подчиняясь страшной неизбежности...

.....

М. Забігайло. (О. Півень).

(Югославия).

ВІЛЬНЕ КОЗАЦЬКЕ ВІЙСЬКО.

(Нова пісня на старий лад).

Ой, у полі та женці жнуть;

А по-між жнивами,

Битими шляхами

Козаки йдуть.

Попереду Дін великий, —

Веде своє військо,

Як один, все кінське,

Нема й ліку!

А в середині Кубань славна, —

Вона козаками

Та ще й пластунами

Кріпка здавна.

А по-заду Терек бистрий, —

Там козаки й горці

Вояки — молодці

Усі чисто!

Суне військо, мов та хмара:

Хоче супостатам —

Большовикам клятим —

Завдать кару.

Їде сила вся козача:

Музиченьки грають,

Козаки співають, —

Така вдача!

Гей, вороги, схаменіться!

Хто супроти стане,

Той ляже й не встане, —

Бережіться!

Ви ж, сусіди, добрі люде!

Ви нас не лякайтесь,

А кріпка єднайтесь, —

Добре й буде.

Ми не хочем воювати:

Лиш би голодранця,

Москаля — поганця

Вигнать з хати!

.....

Борис Кундрюцков.
(Белград).

* *
*

Посвящается А. М. Каледину.

— Я кричу, отчаянный, ожженный...
Как найти потерянное мне?
Жизни круг, сжимаясь, раскалены:
Будит взрывы буйные в душе.
Тьма моя, раздвинься, расступися!
Темный мир, рассыпья, отойди...
Вижу, на тропинке, вон, свилися
Чьи-то светлые, давнишние следы...

Кто прошел чуть зримою тропую?
Кто намек в Степи опять зажег?
— Так дышать, тереть его рукою
Что-б он вспыхнуть, разгореться смог...
Осветить пустынную бескрайность —
Что-б нашли потерянное мы.
— Иль мечта, иль миф, или случайность?
И обмануты Казачества сыны?
Жуть и тьма схватили нас за плечи...
Нет не поздно... Сил нам дайте, сил...
Мы придем... Напоим кровью встречи...
Мы найдем следы Ваших могил...

А. Персидсков.
(Брно).

КАЗАЧЬИМ ПОЭТАМ.

Песен про любовь, да поцелуи хватит, —
Надоели, как улеглый снег.
Время б о свободе, о родимой хате
Зачинать могучий, богатырский спев.

Вспомнить добрым словом, казаков убитых,
Атаманов славных во честном бою,
Спеть о горе тяжком, о слезах пролитых,
О тоске унылой во чужом краю.
О любви ж и ласке, пусть поют иные:
Нам теперь зазорно девушкам любить, —
Песни удалые, песни степовые
Казакам поэтам непрестанно петь.

Первый эмигрант.

Все газеты мира полны сенсационными и весьма противоречивыми сообщениями о судьбе быв. вершителя судеб СССР, а теперешнего ее изгнанника — первого эмигранта из наркомов — Л. Д. Троцкого.

Троцкого выслали. Троцкий по пути в Турцию. Троцкий в Тифлисе. Нет, он все еще в Москве... Все сообщения об его высылке из Совдепии — очередные выдумки белогвардейской эмиграции, инспирирующей, понятно, „продажную“ и „буржуазную“ прессу Европы...

Вот, приблизительно, общий смысл тех сумбурных телеграмм, которыми кишела европейская пресса на протяжении нескольких последних недель.

Наконец, заговорила и сама Москва, которая долго блюла по этому поводу гробовое молчание. Она официально заявила *utri et orbi*, что б. военком Л. Троцкий, действительно высылается за пределы социалистического отечества за его „зловредную“ деятельность, преследующую такую „реакционную“ цель, как ниспровержение существующего государственного строя в СССР.

Уже более года занимался он, мол, этим советохульным делом и никак не хочет уняться, несмотря на все предупреждения и увещания со стороны красного Кремля. Даже высылка его в очень отдаленную Альма-Ату ничуть не смирила его оппозиционного настроения. Скорее, наоборот. Именно там, в этом азиатском заточении он умудрился написать свою „обличительную книгу“ о современном положении вещей в СССР. И какими-то неведомыми путями опубликовать ее за-границею, несмотря на своевре-

менное уничтожение русского набора вечно бдящим оком чеки...

Сталин, понятно, не мог простить интимному сотруднику Ленина это полемическое покушение не так на „непогрешимый“ авторитет теперешнего большевицкого режима, как на свою собственную „неприкосновенную“ персону, кстати, очень мастерски изобличенную во всей бездонной ее бесцветности, но, одновременно, больно уже зазнавшейся, — желчным пером в решительный момент здрейфившего большевицкого кандидата в Бонапарты.

Ничто, пожалуй, не иллюстрирует более живо тот настоящий бедлам, в каком очутилась сейчас Совдепия, чем именно эта трагикомическая „Одиссея“ Л. Троцкого, волею Сталина ставшего настоящим Агасфером большевицкой революции...

История эта долголетним опытом умудрения и на своем веку видевшая разные виды, никогда не стареющая и вечно молодая дама, — по отношению Л. Троцкого псзволила себе выкинуть единственный в своем роде и чересчур уже пикантный „номер“. И в самом деле: разве не ультрапикантно московское официальное производство Л. Троцкого в опасные „реакционеры“ и чуть-ли не белогвардейцы?! Разве не парадоксален факт его принудительного изгнания из Совдепии и превращение в политические эмигранты, наравне с теми, кого он сам не так еще давно изгнал за пределы родины!?!

Вот уж, действительно, о ком приходится сказать известное изречение: — *Sic transit gloria mundi*.

К чести Троцкого, однако, надо заметить,

что он до последнего момента не поддавался всем „злокозненным проискам“ Сталина и отстаивал свою донкихотски безнадежную, химически чистую „революционную линию“.

Кремль, т. е. московское политбюро со Сталиным во главе — действительно, брало его измором, но вполне безуспешно и, наконец, пришлось применить по отношению к нему испытанную тактику большевицкого чекизма, т. е. насилие.

Интересно отметить все-таки несоизмеримую разницу в этом отношении между большевиками и якобинцами времен Великой французской революции. Одни и другие завзятые террористы. Палач тут и там был в некотором роде первосвященником революционного отбора.

Но, в то-же время, — в Париже 1793 г., если хотите, каннибальский пафос гильотины, апофеоз публичных казней, безудержный элан террора, не щадящего своих действительных или мнимых врагов: Робеспьер посылающий Дантона на эшафот и сам отправляющийся на тот свет тем же порядком после 9 термидора; а в Москве теперешней большевицкой эры: гнусная чека, заползшая куда-то в подземелье, под гул автомобильного мотора дикие расправы полупьяных извергов, в зверских казнях находящихся удовлетворение своих извращенных и патологических инстинктов и, наконец, гнусный маккиавелизм по отношению к противникам из своих рядов.

Будем продолжать эту аналогию. Допустим, что Л. Троцкий был бы деятелем великой французской революции, — понятно, якобинцем. Предположим, что на его совести были бы все те вольные и невольные его деяния, в коих его обвиняет Сталин и правящая теперь большевицкая клика.

Ясно, что дни его были бы уже давно сочтены. С ним не миндальничали бы ни одной минуты. Политбюро поручило бы Крыленко составить против него, как врага революции, обвинительный акт, заблаговременно предусмотрев приговор этого процесса. Понятно, этот вердикт мог бы иметь только одну формулировку, а именно: „высшая мера наказания“.

Конечно, в назидание другим, явным и тайным врагам революции, — ВЦИК — предписал бы публичное исполнение этой казни — в Москве на Красной площади, в наиболее революционно-торжественной обстановке и обязательно под звуки интернационала ..

Так было бы, наверное, в Париже, если-бы Троцкому пришлось жить во время господства якобинцев.

Но что-же вместо всего этого мы видим сейчас в Москве, пребывающей под фельдфебельской пятой кавказского Псевдоробеспьера — Сталина?!

Что у него и его ближайших сорезжимников есть давно уже неопределимое желание послать Троцкого к праотцам, в этом не может быть ни малейшего сомнения.

Это и понятно: ибо Сталин, который, об-

разно говоря, пролез в историю по случайной контромарке, т. е., без собственного билета, боится тени Троцкого, как одного из наиболее ярких персонажей послеоктябрьского периода русской революции. Но сделать это „легально“, т. е. в порядке революционной дисциплины, на это Сталину не хватает робеспьеровской смелости. Зачем официально казнить — рассуждает он и его присные, когда проще убить из-за угла или даже чужими руками, соответственно подготовивши только все это дело.

Если верить сообщению берлинского коммунистического органа, — „Volkswille“ — на одном из заседаний московского „политбюро“ было решено тайно убить Троцкого; при чем за это решение было большинство 6 голосов; против голосовали только: Калинин, Рыков и Бухарин.

Вот откуда вся та канитель с высылкой Троцкого и теперешние его мытарства.

Сталин определенно спекулирует на смерть Троцкого; все равно какую: естественную-ли, ввиду его тяжелой болезни, — или „случайную“ — в виде „несчастливого случая“ по пути, или возможного и чаянного покушения на него.

Вообще с Троцким сейчас не нежничают. Он сам заявляет, что „является жертвой насилия правящих элементов“.

После своего прибытия в Константинополь — военный экс-комиссар послал турецкому президенту, Кемалю-паше — следующее сообщение:

— „Господин президент! У входа в Царьград имею честь довести до Вашего сведения, что я прибыл к турецкой границе не по своей доброй воле, и что я переступаю ее только, поддаваясь насилию...“

История этого насилия довольно продолжительна и может быть новой иллюстрацией чекистских методов борьбы даже по отношению к своим недавним повелителям.

Троцкий сам описал свою Одиссею после приезда в Константинополь в английской газете — „Daily Express“.

Уже осенью прошлого года ему было предложено из Москвы отказаться навсегда от политической деятельности с угрозой что, в случае отказа, против него будут приняты репрессивные меры.

Троцкий решительно отклонил сталинский ультиматум в пространном мотивированном письме, где, между прочим, говорилось:

— „Только дегенерированные чиновники могут требовать от революционеров, чтобы они отказались от политической деятельности. Только трусливые ренегаты могли бы принять обязательство подобного рода...“

Огветом на это заявление было интернирование Троцкого и его семьи в месте его пребывания и запрет на получение какой-либо почты. Затем агенты ГПУ вывезли его, не сообщая куда, по направлению Москвы. По дороге его известили, что он высылается в Турцию, ибо никакое другое государство не хочет дать разрешения на его везд.

Везли его тайно, чтобы приверженцы Троцкого не знали, где он. В Тифлисе его вагон все время прятали где-то на запасных путях, откуда его направили тайно в Одессу. Но здесь его пароход „Калинин“ замерз и по иронии истории его, наконец, вывезли в Константинополь на „Ильиче“.

Как дальше быть с Троцким? — вот вопрос, каким занимаются в последние дни главные столицы Европы.

Троцкий сам обратился к председателю германского парламента, прося разрешения на право пребывания в Германии. Как известно, эта его просьба была отклонена. Его попытка пробраться во Францию, тоже была безуспешна. Пуанкаре по этому поводу будто бы сказал: — для меня и Троцкого одновременно нет места во Франции. Фиаско кончается попытка чл. коммунистической оппозиции предоставить Троцкому возможность полечиться некоторое время в одном из здешних курортов. Интересно, что наиболее яркими противниками впуска Троцкого в Европу являются местные филиальные партии

Коминтерна. Турция ограничила его пребывание двухмесячным сроком.

Вот действительно безвыходное положение, хуже даже агасферского, ибо тот, по крайней мере, имел право беспрепятственного передвижения по земле...

Окончена-ли революционная карьера Троцкого? Сходит-ли он со сцены истории навсегда или теперешнее изгнание это только временное *intermezzo*? покажет недалекое будущее.

Понятно, Сталин ни перед чем не остановится, чтобы окончательно ликвидировать не только Троцкого, но и всю троцкистскую оппозицию в СССР.

Сможет-ли он это? Удастся-ли это ему? Как разрешится этот очередной кризис Совдепии? Не стоим ли мы у начала конца „социалистического советского отечества“?

Сейчас невозможно определенно ответить на эти вопросы, памятуя, что история великий любитель импровизаций. Думаем, что она сама авторитетно и скоро ответит на них...

В. Т—а. [Чехословакия].

Иншої поради не маємо.

Ідея самостійництва, як природня та здорова народня течія, все глибше та ширше захоплює кола козачі. Переважна більшість, можна сказати всі прихильники цієї ідеї дійшли до остаточного переконання, що шляхом порозуміння з Московою незалежності чи то взагалі кращої долі народам досягнути не можна. Та, проте, і шлях боротьби, війни є для нас так само небезпечний, як і та куца автономія, яку нам іноді пропонує московська еміграція.

Бачимо, що в цій добі всі народи, великі й малі, дужі й слабі, намагаються уникнути війни, як способу розрешення міжнародніх суперечок.

Для нас же, козаків, українців та інших, як народів знесилених і духовно, й матеріально десятилітнім совітським режимом, війна була б без порівняння важчою й небезпечнішою, ніж для народів вільних і організованих. Тому нам треба ще більше, всіма силами намагатися винайти мирний спосіб вирішення наших національних завдань.

Але як? Москви не можемо ніякими заходами ні умовити, ні вблагати, аби залишила своїх заборчих замірів та не займала нас. Вона не заспокоїться, доки не поставить свого тяжкого чобота на наші переможені шії. Це видимо добре із завзяття й непримиренности до питання нашого відокремлення всіх кол російської еміграції.

Великі й малі народи Європи та інших частин світа, щоб запобігти війнам, об'єднуються в так звану „Лігу Народів“, яка має своїм завданням, як якась найвища, наддержавна судова установа, вирішувати суперечки та непорозуміння між її членами.

Щось подібне між нами та Великоросією є цілком неможливе, бо Великоросія, засліплена своїм ненаситним імперіялізмом, не згодиться наші національні питання винести на міжнародній суд, вважаючи ті питання за свої внутрішні. Та крім цього нас, як тепер ще народів „не державних“ до „Ліги Народів“ мабуть і не приймуть.

Виходить, що й тут немає поради.

Але „Ліга Народів“ має своє походження від Антанти, котра складалася з держав, що воювали проти Німеччини. Її першим та найголовнішим завданням було утримати об'єднання спільників і надалі, в добі миру,

щоб тим знеможливити німцям одплату за програну війну.

Існує ще так звана „Мала Антанта“. Це є об'єднання трьох держав: Чехословащини, Румунії та Югославії; з них перша відродилася, а останні набули великої спадщини по колишній Австро-Угорщині. Метою цього об'єднання є оборона проти Угорщини та німців, наколи б ті хотіли по часткам відновити свої колишні держави, або для цієї цілі посадити на трон когось із Габсбургів. Поруч з „Малою Антантою“ знаходимо воєнно-оборонний союз Польщі та Румунії на захист од Москви.

З того бачимо, що коли ми не можемо вибороти своєї незалежності та утримати її власними силами, єдиним порятунком для нас є шукати допомоги у інших народів, незалежних та дужих, а потім у об'єднанні всіх визволених з під московського ярма народів у воєнно-оборонний союз.

При тому треба пам'ятати, що коли особисті відносини поміж окремими людьми з рідкими винятками закладаються не на себелюбстві, то в міжнародніх відносинах про щось інше нема чого й згадувати. Найбільший зиск про себе іри найменших утратах зі свого боку — ось ідеал міжнародньої політики кожної до життя здатної держави. Про якісь особливі симпатії чи антипатії без практичних приводів дарма що говорити. Тому, коли ми хочемо ставити будову нашої державности не на піску, а на міцному камяному закладі, треба й нам триматися того самого. Не захоплюватися ні прихильністю, ні ненавистю, а лише власною національною користю в межах, звичайно, розумного та можливого. Але в той самий час неохібно пам'ятувати, що ніхто нам здарма не зробить, не допоможе, та знати коли і як поступитися, аби собі й тепер і на будуче не пошкодити.

Отже, першим і найголовнішим питанням нашої національної політики є питання про те, у кого шукати допомоги, з ким зближатися.

Цілком можливо, що коли б ми, українці, козаки або кавказці, запропонували якійсь дужій державі всі свої природні та здобуті народні багатства за допомогу нам у визволенні з московської неволі, то ми б цю допомогу отримали.

Та проте зиск од подібної умови був би куплений ціною надто важких зобов'язань, котрі допровадили б нас до нової неволі. Тому маємо шукати згоди чи союзу з такими державами, котрі б мали бажання або потребу подати нам свою допомогу, не вимагаючи такої тяжкої ціни. На той випадок існує в міжнародній політиці ще одна засада: сходитися з тим, кому з нами по дорозі, хто має з нами більш чи менш спільні інтереси, спільну мету, а понеже нашим завданням є визволити наші народи від московської опіки, збудувати власні, незалежні держави та утримати їх незалежність у майбутньому при найменших намагах і жертвах, то й союзників нам шукати поміж тими народами, що вже почали досягти цих цілей, це б то визволилися, зорганізувалися, але ще не забезпечили собі спокійного й непорушного життя в майбутньому, бо нема в них певности в тому, що визволена від большевицького поневолення, будуча Великоросія, котра може ще, за прикладом колишньої Франції, захор'є на бонапартизм, не почне знову за допомогою німців „собірати землі рускія“ та розділяти своїх сусідів. Навпаки, напевно цього можна сподіватися. А на те, щоб себе від такого „собірання“ забезпечити, є лише єдиний спосіб — об'єднання. Несамохіть при цьому спадає на думку відома байка про те, як батько на смертельній постелі за прикладом віника навчав своїх синів необхідности об'єднання. Кожну віничину легко переломити, та цілий зв'язаний віник зломити майже неможливо. Це єдиний порятунки від політики імперіялістичних держав розрізної і пануй“ — „обеднуйтеся і спільно обороняйте свою волю“.

Ось чому, коли ми хочемо здійснити свої змагання, зєднання в воєнно-оборонні союзи з сусідами, які вже звільнилися від чужої опіки, особливо з славянами, є для нас найближчим і найважливішим завданням.

Туркестан, Кавказ, Землі Козачі, Україна, Румунія, Польща, Чехословакія, Білорусія, Литва, Латвія, Естонія та Фінляндія — ось природні спільники, котрим по дорозі до однієї мети в обороні самостійности від зажерливих сусідів, котрі за незначні уступки, залежно від обставин, або й зовсім без них мали б подати один одному допомогу, як моральну, так і матеріальну.

Тим часом найсильнішими, найбільш активними з нерелічених держав показуються Польща та Румунія, наші найближчі сусіди, тож їм і лише їм першим може зараз належати слово в утворенні такої згоди чи союзу.

Не маємо боятися того, що Польща чи Румунія замислять скористатися з нашої тимчасової слабости та заволодіють нами, тоб-то Україною та Казачими Землями, так, як володіє нами до цього часу Москва. Це абсолютно й по багатьом причинам неможлива річ. Перш на все тому, що було б безглуздом з боку цих народів навіть наміряться захопити величезні простори з населенням по кількості ледви не в двічі переважаючим кожне з них та ще на очах у таких сильних ворогів, як Москва та Німеччина. Історія вже не раз показала смертельну небезпеку подібного зблуду. Подруге, інші держави Європи, незгадуючи вже Великоросії та Німеччини, ні за що не припустять такого збільшення однієї держави за кошт других, хоч би за для однієї заздроси та боязни неодмінних наслідків цього: невпинних війн та повстань, які всі скінчаться на користь Москви та Німеччини. Крім цього, забезпечує нас ще те, що в наших природних багатствах, у нашому ринковій зацікавленій цілій промисловій світ, який уважно вильнує нашу долю. Та керуючі кола Польщі й Румунії, як невен, і не хотять цього. Вони цілком щиро можуть бажати незалежности України, Козачих Земель та Кавказу. Чому? А тому принаймні, що це зіслабить їх ворога, Москву. Тому, що це улекшить тягар до знесення надмірного озброювання. Тому що це майже вдвічі скоротить оборонні кордони Польщі та зовсім віддалить Румунію від небезпечного сусіда.

Коли б така згода сталася дійсністю, то й інші держави, тепер керуючі європейською політикою, котрі

починають сприяти нашому визволенню, поставилися б до нас з більшим довір'ям. Бачили би, що ми несемо в собі зародок державної організованости, сили, що ми в стані знайти вихід із свого положення, а в майбутньому покласти щось свого в скарбницю світової культури.

Безпосередній зиск од такої згоди може бути тої, що наші майбутні союзники: поперше, підтримають нас морально й політично, допоможуть у міжнародних відношеннях, цеб-то у визнанні нашого права на самовизначення, подруге, можуть морально й матеріально допомогти нам у випаді остаточної боротьби наших народів за визволення, визнати й допомогти у визнанні іншими державами найбільш вигідних для нас державних кордонів після нашого визволення. Можливо сподіватися технічної помочі в озброєнні наших будучих армій, фінансової допомоги в способі посередництва у вишуканні кредитів, посгачанні продукції промисловости.

Зрозум'яла річ, що не дістанемо все те задармо. Може ціна того буде навіть висока, але поступитися можливо лише до тієї міри, доки то не буде загрожувати незалежному існуванню й культурному розвитку наших народів. Все інше мусимо прийняти, бо нині перед нами стоїть питання: чи бути нашим народам вільними, чи знову покірно покласти на своїй ший невільницьке ярмо та орати свої ниви на користь чужим панам. Хто того не розуміє, з тим дармо розмовляти...

Ніщо не народжується без мук і жертв, та треба з тим миритися. Не можемо починати будування своєї державности полтикою пробивання стін лобами. Маємо лише пам'ятати, що чим більш єдності буде в нас самих, тим менше чим доведеться нам поступатися. Одно скажу, коли ми критично оглянемося навколо, чесно зважемо всі обставини, то ясно побачимо, що іншої поради не маємо.

Треба потроцити й відкинути стару прищеплену московським вихованням систему думання та скинути партійні окуляри, що засліплюють декого з нас в національних питаннях. Та привичайтись закладати свої думки й переконання на реальних даних, на тому, що є, чого можна сподіватися з досвіду свого та інших народів. Партійного та особистого успіху досягнемо лише по визволенні наших народів.

Далі потрібна послідовність. Коли ми сказали „а“, то мусимо сказати й „б“. Коли ми не з Москвою, то ми проти Москви. Коли ж ми проти неї, то ми з її ворогами. Це не значить, що ми хочемо війни з Москвою. Ні, навпаки, ми хочемо лише згоди. Згода нам необхідна, як повітря. Та недаром ще прадавні народи мали засадою: „коли хочеш згоди, готуйся до війни“. Війною нам загрожують усі відтинки російської еміграції, й це не порожні слова. Не забуваймо, що на здохтуття українського Кн'іза посилали своє військо й „демократична“ влада Керенського, й монархична — Денікіна, й, нарешті, з найбільшим успіхом „пролетарська“ влада Леніна. Те ж саме було і з Землями Козачими. Так, є то правда, що Москва не забуде, Москва не просить нам навіть помислу про відокремлення. Але ж, як ми не будемо самі, коли нас буде багато, коли ми будемо єдністю дужі, Москва не наважиться „собірати землі Рускія“ і тоді, лише тоді, можлива буде згода, так необхідна для нашого державного й культурного життя.

Та проте, щоб нам не лишитися в самоті, нам треба вже тепер, не гаючи часу, виявити щирі й неухитну волю до об'єднання з сусідами, тому, поперше, що ми не знаємо, як може бути близька дванадцять година нашого визволення, подруге, що політична думка організованої держави невпинно працює, поступає, невпинно створює нові плани та системи, в котрих може вже нам і не знайдеться місця, як особам міжнародного права, в котрих уже може нас б'удує уважати за „матеріал“ для всякого роду комбінацій. Тоді ми будемо даремно стукати в зачинені двері, жадний нам не відчинить, жадний нам не допоможе.

Инж. В. Бейсуг.

О географическом положении Казачьих Земель.

IV

Для оценки данных Казачьих Земель с точки зрения вхождения их в орбиту мирового транспорта нам следует обратить внимание на ряд и других обстоятельств. География мирового транспорта тесно связана с картиной общего наклона суши. Наука говорит, что 22% суши имеет склон во внутрь континентов, 78% — к морю. При этом к Атлантическому океану имеют склон около 64 милл. кв. км., в то время как суша со склоном к океану Тихому измеряется приблизительно 16 милл. кв. км., к океану Индийскому — той же цифрой. На этих цифрах основано сосредоточение мирового транспорта на море и первенствующее положение Атлантического океана. Казачьи Земли непосредственно не прилегают ни к какому океану. Из трех морей, у которых они лежат, Каспийское не без основания называется иногда озером, т. к. оно не связано ни с каким другим водным пространством. Однако, моря Азовское и Черное относятся к бассейну Атлантического океана, т. к. связаны с ним через море Средиземное. Т. обр., имеется связь с водным пространством того ближайшего океана, которому принадлежит первенствующее значение в процессе мирового транспорта и который пересекают 80 судоходных линий, в то время как океан Тихий лишь 15, а Индийский 26.

Дальнейшим фактором является расстояние внутренних точек суши от моря. Вычислено, что в среднем такое расстояние равно 560 км. Измеряется ли расстояние рассматриваемой зоны от моря цифрой меньшей, зона считается „близкой к морю“. 80% площади Европы входит в зону близкую к морю.

Если от Казачьих Земель отсечь небольшой северо-восточный кусок по прямой проведенной приблизительно параллельно ж. дороге через Оренбург, но в верстах 100 на северо-восток от нее, то, за исключением этого куска, вся остальная масса Казачьих Земель лежит в зоне „близкой к морю“: точек отстоящих от моря дальше, чем на 560 км. нет. Таково положение Казачьих Земель по отношению к морям, главному фактору географии мирового транспорта.

Подойдем теперь к этому вопросу с другой стороны. Мировой транспорт зиждется на двух основаниях:

а) На том же, на чем и мировая торговля, — неравномерном распределении по земному шару природных богатств, различных психо-физических данных человеческих рас и народов, как производителей, и различной их „емкости“, как потребителей; все это мы уже окинули взглядом, говоря о перспективах участия Казачьих Земель в мировой торговле.

б) На неравномерной заселенности человечеством суши и различной его „моральной плотности“ (мы употребляем термин французского социолога Дюркгейма, который он ввел, разбирая вопрос о борьбе за существование, и под которым разумел „плотность общения между индивидуумами“). В то время как $\frac{1}{8}$ суши заселены очень слабо, — около 4 чел. на 1 кв. км. — на остальной восьмьюшке суши сосредоточено $\frac{3}{4}$ человечества, что дает плотность в среднем 60 чел. на 1 кв. км. Если взглянуть на мировую карту густоты населения, то легко заметить как бы 4 острова густого населения, лежащие в море населения менее плотного. Этими островами будут: Европа, Передняя Индия, Китай — Япония, С. Штаты. Из географического положения этих островов вытекает, что мировой транспорт должен быть более интенсивным в полушарии северном, чем южном, и идти по преимуществу по параллелям. Так оно в действительности и есть. Соединим прямыми линиями Прагу, как центр Европы, с Калькутой, Калькуту с восточным побережьем Китая, последнее — с Прагой. Мы получим треугольник, две линии которого проходят через Казачьи Земли. Несмотря на то, что транспорт идет не по линиям прямым и кратчайшим, это обстоятельство знаменательно. Над ним стоит задуматься, ибо и линия экономически „прямая“ сгре-

дится всегда выравняться, приблизиться и слиться в пределе с направлением прямым географически.

Чтоб определить более точно географическое положение Казачьих Земель с рассматриваемой точки зрения, посмотрим, как идут главные линии мирового транспорта. Таковые можно разделить на 3 класса. К первому — экономическая география относит пароходные линии из пристаней Зап. Европы в Сев. Америку, трансконтинентальные железные дороги Сев. Америки, пароходные линии из Сев. Америки в Восточную Азию; начинающийся в пристанях Зап. Европы кругосветный пояс смыкается морским путем Япония—Индия—Суэц, а по суше — Сибирской ж. дорогой. Весь пояс дополнен теперь Панамским каналом. Ко второму классу относятся линии, соединяющие главные культурно-экономические центры с землями меньшей культуры и техники, напр., линии Европа—Южная Африка, Европа—Южная Америка и т. д. К третьей группе — линии, соединяющие между собой земли с менее густым населением, напр., Южн. Африка—Австралия. Часть линий всех этих 3 классов дает возможность транспорта прямого — пути морские, часть — сообщения „с пересадками“ — дороги сухопутные. Из линий первого класса ни одна до сих пор непосредственно через Казачьи Земли не проходила. Наиболее близкой к ним являлась Сибирская ж. дорога, из морских — путь на Восток через Средиземное море. Линии третьего класса едва ли могут находить себе место применительно к Казачьим Землям. Для Казачьих Земель наиболее ценными являются линии второй группы. Рассматривая возможности сухопутного товарообмена, мы уже видели в каком роде „пучке“ таких линий лежат Казачьи Земли. Что касается транспорта водного, то Казачьи Земли связаны водой же с морем Средиземным, которое пересекается во всех направлениях более чем 90 линиями, в числе их и линией первого класса. Главным ответвлением в Черное море до войны была только линия на Одессу, как порт более менее мирового характера. Факт, что Казачьи Земли не были раньше прямо и постоянно связаны ни с одним заморским культурно-экономическим центром, объясняется лишь общей культурной, экономической и политической обстановкой, в которой находились Казачьи Земли, а отнюдь не их географическим положением. Последнее, наоборот, дает все для того, чтобы Казачьи Земли вошли в орбиту мирового морского транспорта с продолжением его водой же, по рекам во внутрь областей или навязкой на железнодорожные линии в Туапсе, Новороссийске, Азове, Таганроге. Но этого мало.

Если попробовать взглянуть за горизонты настоящего, заглянуть в будущее, то перед нами откроется чрезвычайно интересная и важная для Казачьих Земель программа мирового транспорта. Найдешовый и удобный, как правило для товаров, транспорт — водный — является далеко не всегда невыгодным для передвижения пассажирского, а иногда и для перевозки товаров. Для пассажирского движения — отсутствует необходимая максимальная быстрота; при товарном же движении — тогда, когда налицо товары быстро портящиеся, большой цены при небольшом объеме, малого веса и т. д., т. е. тогда, когда все преимущества морского транспорта теряются. Насколько важен характер товара при выборе средства сообщения, показывают отправки из Праги в Париж на аэропланах ветчины, а назад — модных моделей, страховых перьев и т. д. Что значит в XX веке элемент быстроты, объяснять не приходится. Уже давно человечество не скупились затрачивать сотни тысяч на различные искусственные сооружения, чтоб только сократить на пару часов непродуктивную затрату времени на транспорт. Сейчас в английском парламенте поднят опять старый вопрос о туннеле под Ламаншем, а испанское правительство задумывается над проектом туннеля под Гибралтаром. До войны в числе проблем мирового транспорта стояла на очереди проблема ж.-до-

рожного пути Петроград—Калькута. В масштабах уже лежавшего в этом направлении железно-дорожного пути недостающий кусочек от последней русской станции в Кушке через Афганистан до первой английской станции в Индии Perhavar'a был ничтожен. Препятствием к соединению были соображения исключительно политические. Коренная перемена политической обстановки после войны и революции совсем не сняла вопрос в его сути с повестки дня. Дело ведь не в Петрограде, а в идеи установления прямого железно-дорожного сообщения между западо-европейскими центрами и Индией; идея в том, чтоб человечество смогло бы располагать таким же высоко совершенным средством сообщения, каким, напр., расологали на днях японские представители, отправившись в салон-вагоне из Владивостока в Париж на заседание экспертов по репарационному вопросу. Политическая обстановка теперь, конечно, еще более неблагоприятна для осуществления прокта. Но данный момент не может длиться долго. С того ли, или иного направления, через ту или иную пограничную станцию, но железно-дорожное сообщение между Европой и Индией осуществится рано или поздно должно. А как ни вести эту линию — не через Казачьи Земли путь пройти не могут. Пусть через Оренбург, через Ростов — все равно, но миновать их нельзя. И когда то на маленькой дощечке прямых вагонов, идущих из западной Европы

в Индию, в числе промежуточных станций будет означен и Оренбург, или Ростов — казачий город в Казачьих Землях!

Таково географическое положение Казачьих Земель по отношению к мировому транспорту.

Мы не хотим наш скромный очерк о географическом положении Казачьих Земель кончать постановкой еще несуществующей вехи: мечтой о прямых вагонах Париж—Индия, проходящих через Казачьи Земли. Мы поставим точку на последней блестящей, по реальности из области средств сообщения: прямом телеграфном проводе Лондон—Индия, идущем через Екатеринодар. Почта, телеграф и телефон своими тонкими стальными сетями оплели весь мир, составляя неотделимое частное целое человеческой культуры и цивилизации. За этими тонкими проводами гонятся все, наперерыв спеша прокладывать прямые провода и кабели во все центральные точки цивилизации. Каждый новый провод становится и корнем, укрепляющим хозяйственную жизнь окружающего района, и нервом прогресса для живущего в нем населения... Когда Казачьи Земли проснутся и сбросят с себя красное ярмо, казакам не надо будет посылать в пространство волны: „Всемир! Всемир!..“ Благовест, вещающий новую жизнь, прозвучит одновременно и в Европу и в Азию...

Таковы некоторые данные географического положения Казачьих Земель.

Санжа Балыков.

Попытки национального объединения Калмыцкого народа.

К концу лета 1917 года, когда революция стала превращаться в разрушительную Всероссийскую анархию, для малых национальностей б. России настали тревожные, жуткие дни.

Им пришлось беспокоиться не только за свои права, но и за свою физическую целостность, за свое добро, домашний очаг, ибо волны разнуданного, вооруженного, многомиллионного, взбунтовавшегося российского крестьянско-солдатского моря грозили захлестнуть все.

Калмыцкому народу, разбросанному среди этого моря и, в частности, на той части б. Российской территории, где назревали особенно кровавые события, приходилось спешно искать путей спасения, дружественной опоры.

Вот тогда-то и возник впервые вопрос о территориальном и национальном объединении калмыцкого народа.

К чести тогдашних калмыцких общественных деятелей больших расхождений у них по этому вопросу не было.

Все находили, как и теперь находят, что для национального возрождения и прочного экономического благосостояния калмыцкого народа необходимо объединение его разрозненных частей.

Разногласица началась, отчасти продолжается и теперь, по вопросу о способах осуществления этой задачи.

В те дни, вопрос этот остро касался калмыков Астраханских и Ставропольских преимущественно, так как калмыки Донские чувствовали свое положение устойчивым, менее уязвимым постольку, поскольку казалось таковыми положение и бытие Казачества вообще.

Астраханские и Ставропольские калмыки, привлекаемые хорошим экономическим и правовым положением Донских своих собратьев, явно тяготели в сторону разрешения своего национального вопроса слиянием с последними, путем перехода в Донское Казачество. Донские же калмыки к такому стремлению своих собратьев относились сочувственно, но в общем держались осторожно, так как некоторые его политические деятели выражали опасение о возможности хорошего решения при этом земельного вопроса.

Наконец, осенью 1917 г., прибыла на Донской Войсковой Круг делегация от указанных групп калмыков с целью выяснения отношения Круга к вопросу о при-

соединении к войску Астраханских и Ставропольских калмыков.

Круг выявил положительное отношение к этому вопросу.

Таким образом, дело оставалось за окончательными шагами со стороны самих Астраханских и Ставропольских калмыков.

Но, к сожалению, эти правильно начатые, подсказанные здоровым инстинктом народа, шаги не были доведены до естественного и логического конца так как у большинства тогдашних политических руководителей Астраханцев и Ставропольцев, к этому времени, возникло другое решение задачи, иной подход к делу: им захотелось войти в состав малочисленного Астраханского казачьего войска.

Произошло глухое столкновение мнений массы и верхов. Последние одержали победу и осенью 1917 года калмыцкие племена сделались Астраханскими казаками.

Наиболее известные и выдающиеся общественные деятели этих калмыцких племен или групп на паритетных началах вошли в состав Астраханского войскового правительства, другие получили высокие посты, но малочисленное Астраханское казачество никакого влияния на калмыков в смысле их организационного обновления и духовного оказывания не оказало и не могло оказать.

Таким образом, наши Астраханцы и Ставропольцы сделались казаками только по имени.

Кроме этого, имело значение и недостаточность времени для организационной работы и, главным образом, отсутствие в Астраханском войске родного, калмыцкого-казачьего ядра, мостика для морально-бытового слияния их с казачьей семьей, каковыми факторами, с безусловным успехом, могли явиться Донские калмыки-казаки, в случае присоединения Астраханцев и Ставропольцев к Войску Донскому.

Поэтому, не будучи хорошо и крепко организованными, в затянувшейся борьбе Казачества с большевиками, на чашу весов первого, Астраханские и Ставропольские калмыки мало чего сумели прибавить, несмотря на свое значительное число и полную ненависть ко вторым.

Они не умели так щетиниться и отплачивать новым пришельцам-завоевателям, как малочисленные Донские калмыки.

Правда, за свою смелость, непокорный и независимый дух — последние в результате больше заплатились, и теперь некоторые дербеты в своей молчаливой покорности и неспособности к сопротивлению видят прозорливую мудрость, а в борьбе бузавов ошибку, но... тут, по моему, дело — в различном понимании вопроса о необходимости или ненужности сопротивления злу, или даже в различном понимании национального достоинства.

Волость терпение при унижении и оскорблении национальной чести, религии, при насилие своих жен, сестер и матерей едва-ли свидетельствует о достойном подражании высокому моральному уровню персонального или массового духа.

Я не говорю, что случаи насилия со стороны окрестных им пришлых крестьян не было у Донских калмыков. Были. Но зато и мы не остались в долгу... На то шла борьба.

Если бы все калмыки, поняв опасность, своевременно объединились бы, то может быть, нам удалось бы, лучше защитить себя, не говоря о других положительных результатах национального объединения.

Вот почему я считаю, что сливаясь с Астраханским казачеством, общественные деятели Астраханских и Ставропольских калмыков совершили ошибку, уклонившись от первоначальной цели, которая вызвала движение к оказанию калмыков.

Ибо первоначальная цель была не только в том, чтобы сделаться казачками, но и объединение в одну группу всех калмыцких племен.

Об этом не должны были бы забывать вожди Астраханских и Ставропольских калмыков.

Правда, уже в 1919 году на Кубани и в Крыму некоторые вожди поняли свою ошибку и опять начали переговоры с членами Донского Круга о присоединении своего народа к Донскому Войску, но последовавшие события не дали выйтись во что-либо конкретное этим намерениям.

Понятно, что и при большевиках оставшаяся часть калмыцкой интеллигенции сделала попытку к разрешению той же важной, исторической национальной проблемы и сумела добиться разрешения на административное и территориальное объединение калмыцких племен в виде Калмыцкой Автономной Области.

Казалось, что чаяния Калмыцкого народа достигнуты, что большой национальный вопрос, служивший предметом многих и серьезных споров, наконец, благополучно разрешен... Но, оказалось не так.

Вопрос был разрешен неправильно, болезненно.

В результате этого, теперешнее положение калмыков, по крайней мере Донских, далеко хуже прежнего.

Тут винить приходится прежде всего самих наших подбольшевических деятелей, вздумавших объединить свой народ механическим способом, путем принудительного переселения Донских и некоторых других калмыцких племен к Ставропольским калмыкам на их маленькую земельную площадку, в значительной части занятую русскими.

Во первых нельзя было такой щекотливый вопрос решать ударом с плеча.

Одно то, что Донские калмыки, в полной мере сознательно относящиеся к своей судьбе, на четырех национальных съездах не могли решить его и только на пятом съезде, под сильным давлением специально для этого прибывших большевистствующих двух дербетских деятелей Сайко а и Чапчаева, большинством только одного голоса выразили принципиальное согласие на переселение, должно было надумать этих главарей отнестись более осторожно к этому делу.

Для такого поспешного решения действительно нужно было до мозга зараженными большевистской бестолковщиной и их равнодушным, к испытаниям народным, ради всяких опытов. Результатом такого деяния было то, что переселились в „Автообласть“ только часть Донских калмыков, видимо, соблазненная обещаниями „льготами“, в виде освобождения на три года от налогов, предоставления строевого материала и т. д.

Могло иметь место и то, что многие из переселяющихся хотели „заслужить“ репутацию политически

„благонадежных“, так как отношение Донских калмыков к советской власти не было для нее секретом.

Но и эти переселившиеся очень скоро разочаровались и раскаиваются в совершенном, так как никаких материальных выгод не получили, а в моральном отношении кое-что потеряли, ибо калмыцкий ЦИК свирепствует не хуже московского.

Остальная, большая часть Донских калмыков, здраво относясь к вопросу, видя такое его решение, отказалась от перекочевки из Сальского округа в Большедербетовский улус К.А.О. и, несмотря на то, что их со всех сторон наводняют пришлые крестьяне, оседая на их землях, осталась на месте.

Не удалось сдвинуть с места и часть калмыков из под Царицына.

Таким образом, никакого объединения на деле нет.

Национальный „автономный“ центр есть, но калмыки все еще продолжают быть в рассеянии. Мы не так многочисленны, чтобы не придавать значения десяткам тысяч калмыков, не вошедшим в состав Калмыцкой Автономной Области.

Кроме всего этого, одним из немаловажных последствий такого „собрания народа“ является то, что население Автообласти так сжато на небольшой территории Большедербетовского улуса, что наделы земли малы не только для скотоводческого хозяйства, но и для земледелия. Население, между тем, растет и будет расти, а запаса земельного, видимо, нет.

Надо думать, что такое положение останется без изменения на все время, пока над нами, калмыками и некалмыками, будет существовать советская власть.

Но, в видах могущих и должных произойти там перемен, нам, калмыкам, нужно иметь готовое решение по своему национальному вопросу, чтобы в нужный момент быстро и без споров направить наши усилия к приемлемому для всех разрешению.

Всецело разделяя попытки калмыцкой подсоветской интеллигенции к национальному объединению своего народа, так сильно пострадавшего в событиях последних лет.

Я повторяю, что не следовало поднимать с места Донских калмыков, наиболее крепко сидевших на хорошей земле. Много целесообразнее было бы попытаться вселить охотников калмыков из других областей по станицам Донских калмыков, где было много не только свободной земли, но и свободных построек, жилых помещений, лишившихся своих владельцев; были целые пустынные хутора, которые заняты теперь пришлыми мужиками. Астраханские калмыки, например, как не совсем перешедшие к оседлой жизни и кочевывшие на негодных к возделыванию землях, пожалуй, могли бы согласиться на такое переселение. Этим путем можно было предотвратить наплыв в Сальский округ русских переселенцев и создать живые, реальные основания для действительного национального объединения Калмыцкого народа.

Площадь Донских калмыцких станиц, будучи пригодной для земледелия и скотоводства, была бы достаточной и в смысле паевых наделов, и тогда не было бы надобности в насильственном переселении Донских калмыков, которые по тем или иным соображениям упорно желали сидеть на старых местах. При указанном разрешении вопроса все калмыки легко могли бы или влиться в состав Донского казачества, в семье которого нам всегда была бы обеспечена сносная жизнь, или в составе Калмыцкой Автономной Области, граница с ними; в лице его мы имели бы верных союзников, добрых соседей-друзей.

В последнем случае получилась бы единая калмыцкая семья, в состав коей вошел бы не раздробленный, обесиленный количественно и морально, а цельный, силоченный духом и телом, здоровый хозяйственный, крепкий своими подпочвенными корнями Калмыцкий народ на Дону, сила духа, военная доблесть которого служили бы в то же время и обеспечением принятого решения.

При здоровом решении вопроса национального объединения, Донские калмыки не получили бы новых, ненужных, лишних ран, разорений; и между нами, Донцами, и нашими братьями, Астраханцами, и Ставро-

польцами, не было бы вредных тренировок, горьких воспоминаний. Сожалея, что самый удобный момент для такого разрешения вопроса упущен, не нужно забывать о таковой постановке его в будущем.

Но рядом с естественным и справедливым вопросом объединения всех калмыцких племен на юго-востоке б. Российской империи в виде отдельного государственного образования, мы не упускаем из виду и возможную совместную жизнь и сотрудничество Донских калмыков (бузавов) с Донским казачеством, если на это последует обоюдное желание.

Мы не можем предвидеть всей игры истории в будущем; мы не можем сейчас ни исключить, ни отвергнуть в будущем постоянное сосуществование бузавов в семье Донского казачества.

Нет сомнения, что нам, калмыкам, по нашей сравнительной малочисленности, трудно будет осуществлять идею национального возрождения, но, однако, вся наша двухсотлетняя история совместной жизни и борьбы

вместе с Казачеством дает нам, казакам-калмыкам, полную уверенность в том, что в его семье мы найдем бескорыстных друзей и в вопросе нашего национального возрождения.

Конечно, для тех калмыков, которые любят говорить, что „неумолимая история поставила над Казачеством свой суровый приговор“ и что будто существующее в теперешней России положение „незыблемо“, эта статья покажется только „поклонением мертвым фетишам“.

Я же пишу это, верю, что коммунистическая власть в СССР не долговечна и что Казачество сумеет еще проявить волю к жизни, а с ним и мы — калмыки.

Если история одажжы и вынесла неблагоприятный для нас, казаков, приговор, то в будущем она может (а мы верим, что так будет) закрепить на своих страницах и другой факт: возрождение и процветание Вольного Казачества в семье свободных народов на Востоке Европы.

Вл. Куртин.

Моя первая встреча с Федором Андреевичем.

Было это и недавно и давно. Для меня, приближающегося к сороковому, это было давно — в детстве. Для Федора Андреевича это было „недавно“, так как и тогда он уже был „дід“.

Кончил я станичное 2-х классное училище с „отличием“. Учитель, бывало, часто советовал моему отцу послать меня в гимназию... но, как, куда?.. До какой хочешь гимназии, хогь 300 лет скачи, не доскачешь!.. Да и у отца поважнее дела были: снаряжение и отправка на службу старших. А жили не ахти как: в доме вечный „недохват“, а ртов много. Дед вечно ворчал и конец света предсказывал:

... Землю, вишь, на пай поделили!..

Старшие братья об Уссурийском крае мечтали. (Тогда вообще много об Уссури говорилось). Тесно, мол, на Кубани стало. С каждым днем все новые и новые расейцы внедряются... Так подалше на свободу!

А у меня голова ходуном ходила от дедушкиных рассказов про бляе, про вольно-казачье житье-бытье, слетавшееся в моем воображении с чудесной жизнью героев Майн-Рида, Купера, Хаггарда...

Ну, и договорились мы со старшим братом: поеду, мол, пока я сам в Уссурийский край, на „разведку“. А потом уж и братья... Ловко провели свой план. Отцу сказали, что я еду „гимназию искать“. И, если поступлю — напишу, а не поступлю — вернусь... А „план“ сам по себе был весьма простой: приеду в Новороссийск, поступлю на пароход Добровольного Флота, совершающий рейсы между Новороссийском и Владивостоком, вот и Уссури!..

Сказано, сделано. И вот я в поезде. Стою у окна и, не огрываясь, смотрю на бегущие навстречу хутора и станицы...

— Екатеринодар! — отчетливо крикнул под окном кондуктор.

— Екатеринодар! Екатеринодар! — подхватили другие голоса.

Вагон опустел. И опять наполнился новым людом. Я стою у окна, наблюдаю бегом по перрону... Вдруг чья-то рука опустилась мне на голову. Повернулся. Глянул вверх — доброе, полное лицо якогось дїда...

— Куда едешь, малыш?

— В Новороссийск!

— Сам?

— Сам.

— Бач, який... ну, да — козак!..

А пальцы дїда ласкают мою светло-серую, распахнутую черкеску, „пронелевий“ бешмет. Задержались на двух серебряных „крылышках“ на воротнике бешмета...

Я чувствую, что это якийсь такой свій, такой свій дїд... ну, как и мой! Даже больше. Ибо мой дед всегда сердитый. Все ему не так, все не то, что было

прежде... И — все дрянь. А этот — тихий, ласковый. И говорит потихоньку...

Поезд тронулся. Пробежал через мост. Публика угомонилась, расселась. Дїд смотрит со мной в окно.

— В школу ходишь?

— Окончил 2-х кл. училище... а буду-ли учиться еще где — не знаю...

— А знаешь ли ты Щербину?..

— Щербину? — подумал я, — как-то Щербину?.. И вдруг, вспомнив, радостно выпалил:

— Знаю!.. Когда я во 2 отделении был, он уже был в пятом!..

Дїд добродушно рассмеялся.

— Ну — вряд-ли ты тогда был во 2 отделении...

Мне стало ясно, что дїд спрашивает за какого-то другого Щербину. Чистосердечно признался, что другого не знаю.

— А меня? — улыбаясь спросил дїд.

— А разве и Вы Щербина?..

До самого Новороссийска Федор Андреевич просто и занимательно рассказывал мне историю каждого места, на которое смотрели мы из вагона. Перед мною одна за другой проходили романтические картины и сцены из борьбы черноморцев с черкесами...

Многое за те 2-3 часа успел мне рассказать ласковый, тихий дедушка Федор Андреевич. Многое, что мне было непонятно в рассказах моего дїда, стало близким, доступным моему детскому уму. С благоговением слушал я Дедушку... Жаль было лишь, что ни перед кем из своих приятелей не могу похвастаться, что со мною разговаривал с а м Ф. А. Щербина!.. А я бы им уж сумел рассказать, кто такой этот „наш Щербина“!..

Конечно, я признался Федору Андреевичу, что хочу поступить на пароход Добровольного Флота, а он обещал мне помочь в этом...

В Новороссийске я остановился у одного „часовых дел мастера“, бывшего нашего квартиранта в станице. Собственно, в часах он понимал столько-же сколько и я. В действительности это был „агитатор“, делегированный на С. Кавказ, не помню уж каким, эсеровским центральным комитетом.

„Щирій Українець“, как он сам себя называл, Игнат Матвеевич всю свою „пропаганду“ разводил исключительно между иногородними. С казаками же о земельской политике и не заикался.

— Мій товар не для козаків, — говаривал он, ковыряясь в старых часах, — вони сами знают що то є воля, а землю мають...

Игнат Матвеевич принял меня, как родного. Конечно, я ему сейчас же сообщил, за чем приехал в Н. и конечно, не преминул похвастаться, что меня обещал устроить на пароход Ф. А. Щербина.

— Щербина?.. с удивлением спросил Игнат Матвеевич. — Да ты его разве знаешь?

— Знаю. И приехал с ним. А на завтра он позвал меня гулять с ним на „Косу“...

— Ну, тогда твое дело в шляпе... Из уважения к Щербине тебя и капитаном парохода поставят...

Лежа на полу комнатушки „часовых дел мастера“, я долго раздумывал.

— Кто же это такой, дід Щербина, который может меня и капитаном парохода поставить?!.. А начальник — никакой... Такой же простой, как и мой дед. Только не ругается. И рассказывать лучше умеет. Кто же ему дал такую силу?..

Так и заснул, не разгадав тайну „силы“ Федора Андреевича...

А утром задолго до 9-ти, мы с Игнатом Матвеевичем уже стояли на молу, ожидая Федора Андреевича. Теперь у меня уже не было той „смелости“, с какою я с ним разговаривал вчера. А увидав, с какою почтительностью снял перед ним шляпу Игнат Матвеевич — оробел... Но Щербина и сегодня оказался таким-же „дідом“, как и вчера. Федор Андреевич улыбнулся мне, „как старому знакомому“. А после 2-3-х минут я опять чувствовал себя с ним, как и вчера...

— Ну, придется тебе подождать немного... Сейчас нет ни одного парохода Добровольного Флага...

Я не хотел признаться, что это обстоятельство меня уж не так-то печалит.

— Я подожду.

Мы отправились на „Косу“. Море я видел впервые.

И первым меня с ним познакомил Федор Андреевич. Так-же занимательно и просто, как и о прошлом Кубани, рассказывал он мне о море, о медузах, раках, дельфинах... Мы смотрели, как маленькие турецкие баркасы, до краев наполненные кукурузой, отважно выходили из-за мола, кувыркались в волнах и исчезали за корявым, мглистым горизонтом...

Федор Андреевич рассказывал, как запорожцы на еще меньших байдах переплывали море и напали на самый Стамбул; как буйной ватагой возвращались они с песнями на свою рідну Украину; как невольники кривавыми слезами плакали за товариством, как...

Короче сказать, случайная моя встреча с Федором Андреевичем была одной из важнейших причин (если и не единственной) почему я, прослужив на пароходе несколько дней, „списался на берег“ перед его отходом в дальневосточные страны...

Конечно, сегодняшний юбилянт не помнит того, что я здесь рассказывал... Разве-же он с одним „казачёнком“ разговаривал?..

Федор Андреевич не пророк, жгущий глаголами, фанатизирующий верных. Он — наш Кубанский Патриарх. „Простой“, тихий наш Дід. Живая, современная нам, прошлость наша, как а'conto нашего будущего...

Пожелаем-же, чтобы наш „Патриарх“ дожил до счастливого момента возвращения к родным куреням, был для нас нашим Арсением Черноовичем. С тою лишь разницей, что Сербский Патриарх вывел остатки народа из родных пепелищ, а наш, чтоб привел остатки народа на родные пепелища!

Сергей Макеев.

Константинопольские картинки.

(Из недавнего прошлого).

I. В Лиге Наций.

Нетерпеливая толпа с раннего утра осаждает здание Лиги Наций. Еще нет десяти часов, не пришли еще чиновники, а море голов шумит, волнуется, ропшет...

Парадный подъезд закрыт и швейцар, высокий, лысый полковник с начинающей седеть бородкой, на звонки беспокойных клиентов объясняет, что еще не время. Но, публика негодует и ломится в двери. Швейцар сердится и, в конце концов, совершенно не открывает дверей.

— Та й довго ж вони сплять! — возмущается кто то из толпы.

— Им хоть чуть! — вмешивается в разговор второй нетерпеливый клиент.

— Их бы чертей в общежитие перевести, так с полночи бы работать начинали, ей Богу, пра! — шамкает беззубый маленький старикашка, — там тебе и блох, и всяких насекомых вдосталь, хоть торговлю открывай, ей Богу, пра!

Наконец наступает желанный час. Заветные двери гостеприимно распахиваются. Толпа с радостно-детским шумом, давя друг друга, вихрем врывается в приемную.

Швейцар просит получить билетки на право аудиенции. Вы излагаете свою просьбу и, в зависимости от этого, получаете билет: белый — к ясновельможному и всеильному господину Иксу, синий — к юркому, ловкому дельцу Игреку, а красный — к важному генералу, родственнику верховного комиссара — Зету.

В маленькой „комнате ожиданий“ дым коромыслом. Одни сидят на скамьях, расставленных вдоль стен, другие, за неимением свободных мест, стоят, или кружатся по комнате. Табачный дым сизыми клубами поднимается под самый потолок, и, не найдя выхода, толстым слоем висит сверху, образуя „дымовую завесу“. Свежему человеку, входящему с улицы, становится невыносимо душно и скверно.

В комнате постоянное движение. Уходят... Приходят. Одних вызывают на второй этаж, другие с сияющими от радости лицами спускаются по лестнице.

Всюду оживленные разговоры. Делятся впечатлениями со знакомыми. Некоторые счастливицы сообщают

радостную весть, что наконец то удалось получить визу на въезд в ту, или иную страну; иные же, наоборот, бросая злобные взгляды во все стороны, проклинают Лигу Наций и немилосердно ругаются по адресу отдельных ее представителей.

И так весь день до обещанного перерыва, а затем до самого вечера — движение, чающих получить пособие и визу...

В приемную вваливается, не входит, а именно вваливается, рослый детина, в плечах косая сажень, с большим черным чубом, кольцами вьющимся из-под красной фуражки. Казаки в разношерстной константинопольской толпе уже примелькались, но на этого красавца-великана невольно все обращают внимание. Казак идет прямо на второй этаж. Швейцар его задерживает.

— Вам кого нужно?

— Анженёра Ватрушкина! — смело отвечает великан, непринужденно размахивая своими длинными руками, похожими скорее на цепи, чем на руки простого смертного.

— Здесь нет такого.

— Как нет? Да что нас в Канаду то записывал и по три лиры содрал? Уж, почитай, месяц за нос водит, а вот третий день так и носу его не видно!

Казак крутит ус и поднимается вверх по лестнице.

— Я же вам говорю, что нет здесь никакого Ватрушкина, — сердится швейцар и хватает великана за кусок гимнастерки, — может быть вам нужно канадского представителя министра Аронсона?

— На черта мне Аронсона, когда я ишу Ватрушкина!

— Господа, не толпитесь в проходе, ради Бога, прошу!

— Так где же я найду Ватрушкина? — нервно спрашивает казак.

— Где угодно ищите! Где записывались, там, вероятно, и найдете. Господа, проходите, пожалуйста! Дайте дорогу! Куда же вы прете? Выходите на улицу!

Казак уходит. Направляясь к кучке своих товари-

щей по несчастью, начинает смачно ругаться по адресу Ватрушкина.

— Ну, братцы, его черта не пымаешь! Должно сбежал. Почитай тридцать человек — по три лиры каждый, ведь это деньги. Вот так нашего брата и морочат, чтоб ему подавиться нашими грощинами!

Великан сердито сплевывает, пускает в воздух крепкое словцо и безнадежно машет рукой.

— Пымаем... Я знаю где он живет. На Галате! — низенький, коренастый с косыми монгольскими глазами казак самодовольно улыбается, предвкушая очевидно расправу с Ватрушкиным.

— Ну тогда нечего мешкать! Пошли хлопцы на Галату, я ему кишки выпущу за свои гроши!

Человек тридцать здоровых, сильных богатырей направляются на Галату в поисках Ватрушкина.

Казак-великан идет впереди за жоака, горячо ораторствует и так страшно размахивает руками, что прохожие турки и греки в ужасе и страхе шарахаются в стороны.

А Ватрушкин тем временем за счет подло обманутых казаков спокойно отплывает от берегов Босфора.

В изящном темно-сером костюме, в мягкой фетровой шляпе, с массивной бамбуковой тростью, господин лет тридцати пяти подходит к швейцару и вполголоса, чтобы не все слышали, говорит:

— Князь Недозвонигородский! Мне нужно видеть господина Икса по личному делу.

— Ах, ваше сиятельство, пожалуйста на второй этаж, первая дверь направо.

— А у него никого нет?

— Он один сейчас, пожалуйста!

Швейцар застывает в почтительной позе, а князь важно отсчитывает ступеньки.

В сутолоке никто этого не замечает, и жизнь в присмной идет своим чередом. Но, невдалеке стоявший офицер-кубанец невольно подслушивает сей разговор и выводит быстрое заключение, что, имея титул, или высокопоставленные связи, можно вне всякой очереди попасть к главному действующему лицу и заручиться полным успехом и на визу и на пособие. Но как пробраться в таком виде, да еще с такой смешной казачьей фамилией, как, например, — Молоти-Снопы. План быстро созревает, и Молоти-Снопы обходит всех своих знакомых в надежде достать приличный штатский костюм. Но, увы! У казаков таких вещей не водится, а у других не выпросишь.

— Э, открытие! У Мацко есть костюм, идите к нему! — рекомендует кто-то.

После обеденного перерыва Молоти-Снопы в темных роговых очках подходит к швейцару и на ломаном русском языке говорит:

— Хан Тибитейский. Мне нужно видеть господина Икса по личному делу.

Швейцар испытующе на него смотрит, выдерживает томительную паузу, и, наконец, просит подождать, а сам идет с докладом.

Лишь только скрылся швейцар, как два-три казака со смехом обступают Молоти-Снопы.

— Отойдите, ну вас к черту! Провалите все дело со своими смешками! — сердится новый хан.

— Хан Тибитейский, пожалуйста! — просит швейцар. Молоти-Снопы не менее важно, чем князь Недозвонигородский, отсчитывает скрипучие деревянные ступеньки и сразу же попадает в „святая святых“, куда казак не может попасть ни при каких условиях.

Господин Иск предлагает мягкий стул и просит изложить просьбу. Молоти-Снопы по ранее выработанной программе докладывает суть дела. Хан Тибитейский... Политический деятель... Приверженец России... Кемалисты... Невозможность задерживаться и т. д. и т. д.

— В Сербию вы хотите?

— О, конечно, хоть сейчас! Но видите у меня нет даже на билет...

— Не беспокойтесь, это устроим. Отправка завтра.

— Тем лучше.

Иск берет ключек бумаги и синим карандашом пишет:

„Хану Тибитейскому наложить визу в Сербию и отправить за счет Лиги. Икс.“

— Идите во вторую комнату к Игреку.

Молоти-Снопы благодарит, жмет ясновельможную руку и без пересадки попадает во вторую комнату.

— У вас паспорт готов? — спрашивает Игрек.

— Дайте сюда.

Молоти-Снопы подает паспорт. Игрек долго читает, пожимает плечами и не выдерживает:

— Я ничего не понимаю! Вы хан Тибитейский, или уроженец Кубани Молоти-Снопы?

— Тсы... — останавливает любопытного Игрека Молоти-Снопы.

— Так нужно... Я от контр-разведки Главкома. Понимаете?

Через полчаса процедура кончается и Молоти-Снопы выходит с визой и пособием.

— Это не Лига Наций, а Лига Махинаций! — говорит он обступившим станичникам...

Думы и мысли.

Неотложная реставрация.

— Здравствуй, Тихий Дон, снизу доверху, сверху до низу, с Кубанью вольною, Терекон буйным, Янком студенным, Иртышем полноводным, Амуром широким... и Вы, Атаманы-молодцы, в станицах привольных, и все Казачество славное, на Руси исконное!..

„Тихо“, „вольно“, „буйно“, „студено“, „полноводно“, „широко“, „привольно“, и „славно“ звучит „старинная казачья здравица“. Но... но (согласитесь) только до „на Руси исконное...“ И не правда ли? Не режет ли вам ваше казачье ухо?.. В самом деле, можно ли так высоко подняться и так низко упасть? Разжигалась, разжигалась „кровь казачья“ („не застыла в нас кровь казачья“ — тоже казачья здравица), а конец все смазал „кровью русскою“. Был и смысл, была и логика, а после „Руси“ — ни того, ни другого. Вдумайтесь. Приветствуется, так сказать, „славное Казачество“ с его „Атаманами-молодцами“ в их „привольных станицах“. Но приветствуется то приветствуется, а тут же, сейчас же и умышленно поедается скромной (без всякого эпитета) „Русью...“ И получается, что все громкое, влиятельное приветствие ни нам, ни вам, ни имени Твоему, а так, куда-то на ветер... Если уж этим (на что по-

шло) умышленно подчеркивается географическо-историческое „местечко“ „исконного на Руси“ Казачества, если этим (одним скромным словом, без эпитета), так сказать, руссифицируется „славное Казачество“, и если этим пресловутым концом „старинной казачьей здравицы“ (умышленно ее запутывая и не отделяя собственной казачьей истории и казачьего самостоятельного бытия, как отдельного Народа, от истории „Руси“) подводится „славное Казачество“ под общий ранжир „Руси“ — то чего же ищут тогда здесь (в этой „старинной казачьей здравице“) такие гордо-пафосные эпитеты, как, „Тихий Дон“, „Вольная Кубань“, „Буйный Терек“, „Студенный Яик“ и т. д. и т. п.? К чему этот лишний, кручено-перекрученный пафос (тем более, что Тула, Кострома никаких эпитетов не имеют, так что соперничать в этом только отношении с кем-либо нет надобности)? Да и что за казачий смысл этой „старинной казачьей здравицы“, когда она так тесно связана с „Русью“? Что, собственно, она говорит? Восхваляет горестную „исконно-сословную“ принадлежность терзаемого веками Казачества к „Руси“? Есть чем хвалиться, есть от чего здравствовать и „Славному Казачеству“ и „Атаманам-молодцам“ (и хвалиться особенно нам же, казакам, когда — плаха, кнут, рвание ноздрей, Сибирь

всегда были беспощадной карой при проявлении казаками одной только попытки к защите действительных казачьих интересов). Нечего сказать — хороние самовосхваление. Само собой разумеется, что так искусно крученная и еще искусней закрученная, настоящая, старинная казачья здравица не может быть сказана казаками без вековой „опекунши — Руси“ (кому же охота самого себя угробивать!). От этой „казачьей здравицы“ (да еще „старинной“) так и пахнет бывшим стремлением „руссификации“ этого „славного Казачества“, так и пахнет „казачьим сословием“ „Руси“, а потому эта „старинная казачья здравица“ не есть здравица „Атаманы-молодцы“ (погибших на московской плахе), не есть она здравица и самого Казачества, а есть она „здравица“ казачьего „служилого сословия“, „исконно“ стоявшего на задворках „Руси“. Здесь можно бы было поговорить и точку. Поговорил, так сказать, о „старинной казачьей здравице“, сошедшей теперь навсегда с казачьей арены, и довольно. Поговорил, как об исчезнувшем навсегда, и без всякого сожаления. Но (к сожалению) еще не все. Точку ставить подождем немного, — и вот почему.

Эта „старинная казачья здравица“ помещена, как она есть, в „Вестнике Казачьего Союза“ № 16—17, на его первой странице (леммой, так сказать), и мне, глядя на нее, хотелось бы поделиться с читателями „Вольного Казачества“ по ее существу своим скромным, казачьим мнением.

В самом деле, кто будет отрицать современный факт лихорадочного пробуждения народов (действительно — казачья история считает казаков за отдельный народ, а не за придаток к „Руси“) к своему самостоятельному бытию. Только тот, кто идет против фактического „рожна“ — упрямые политические Савлы. Ведь все народы, и малые и большие, из кожи лезут вон, силясь выйти из-под чуждых и ненавистных им „опек“, и только мы, казаки (к счастью, теперь уже немного таких упрямых) все простираем свои нерешительные объятия к своим „родным опекунам“, только мы еще, не сознавая своей казачьей силы, слепо идем в „русском пиру похмелье“ и, ища, не надеясь на себя, продолжаем вертеться в „заколдованном политическом круге“ „вокруг, да около“. То „царь в Москве“, то „Тихий Дон, Вольная Кубань и Буйный Терек“ на „Руси исконные“. Политический клубок... Хотя сам „Вестник Казачьего Союза“ признает за казаками казачьи „Родимые Края“ (даже новый предполагаемый печатный орган Казачьего Союза так и будет называться „Родимый Край“). Признает и не отрицает того, что, когда говорит о „Родном Крае“, то подразумевает не „Великую свою Родину“ — „Родимую Русь“, а „Родимый тихий Дон“, „Родимую Вольную Кубань“, „Родимый Бурный Терек“ и др. „Родимые Казачья Края“. Не так ли?.. Между тем, по настоящей „старинной казачьей здравице“ „Вестника Каз. Союза“ выходит так (да не рассердится он на своего же казака!), что „Вестник К. С.“ имеет одновременно и „Тихий Дон“ и Тихого Дона „Русь“, и „Вольную Кубань“ и Вольной Кубани „Русь“, и „Бурный Терек“ и Бурного Терек „Русь“ и т. д. и т. п. ... Согласитесь, что нелогично. Согласитесь, что здесь „исконное“ („старинное“) искаженное подлинной казачьей истории, иначе б „Вестник Каз. С.“ не дошел бы до такого „заколдованного круга“, до такого „политического тупика“, который в конечной своей вершине приводит казаков (вот что значит, искажать историю) к двум „родным — краям“, к двум „родным родинам“: к „казачьей“ и „русской“, к „Родному Тихому Дону“ и к „Родной Руси“.

Но, ведь „круг“—то круг, „заколдованный“—то заколдованный, а казаку не следует морочить голову этими „старинными“, „заколдованными кругами“. Казаку режь правду-матку и без всякого „политического колдовства“. Ему говори коротко и ясно, или он — казак, или полу-казак, т. е. „казак-рус“ (к чему привела „дву-родность“—то!). Нелепо?.. Верю. Но, настоящая „нелепость“ доказывает исконное бытие казачьего Народа и собственной казачьей истории. А раз это так, то и казачью историю (как вообще всякую историю) искажать не рекомендуется. Да и как бы ты ее не искажал, как бы искусно не подтасовывал „Родимый Край“

„Родимой Русью“, шило-то из мешка покажется... Что поделаешь? „Не утаишь, ведь, шило-то этого...“ И на том основании (что „шила в мешке не утаишь“) смотрите как свободно, живо и нефальшиво звенит наша новая, реставрированная (по историческому принуждению) казачья здравица:

— Здравствуй, Тихий Дон, снизу доверху, сверху до низу, с Кубанью Вольною, Терекон Бурным, Янком Студенным, Иртышем Полноводным, Амуром широким... и Вы, Атаманы-молодцы в станицах привольных, и все Казачество Славное на Родимых Краях исконное (можно оставить и „исконное“ — серебристый звон подновленной здравицы не нарушится...)

Вот теперь, живые они — и „Тихий Дон“, и „Вольная Кубань“, и „Бурный Терек“ и „Студенный Янк“, и „Полноводный Иртыш“, и „Широкий Амур“, и „Атаманы-Молодцы“, и „Казачество Славное“, „Родимые Края“, вполне гармонирующие с казачьим смыслом славной здравицы. Все нашло и географически и исторически приходящее ему место. И никакой „политической“ навязки или подтасовки. И ритм, и смысл, и логика. Значит... Значит, теперь мы казаки. И „слава Погу“, — что мы казаки“, говорит другая казачья здравица. Точка.

В. П. Елисеев (В. Петров).

Румыния.

Казаки: о „В. К.“

... Мы, донские казаки, были брошены у станции Бурых около Новороссийска... Многие уже пошатнулись, а мы, остатки, бежали без оглядки в Польшу, которая приняла нас как своих. И до настоящего времени спасаемся в ней. Мы отрезаны от всех своих организаций...

И закатилось ясное солнышко и померкла вся Земля казачья. Через Деникина (не охотно и писать эту строку), через него мы потеряли всё и вся, нет прощения за эту ошибку нашим Атаманам, что они допустили тех чужих топтать священную Землю Казачью. Ведь Земля наша плакала от их хождения по ней, а наши Атаманы молчали. Грех им за это. Но пусть теперь хвастаются, что ели наш хлеб потоптали лицо нашей Земли... Это прошлое, а настоящее еще увидим... Уже показали лучи восходящего Солнца. Это — Вольное Казачество, и мы рядовое казачество, живя в Польше, поддерживаем В. К. Это наша Священная задача, а главная сила в нас, рядовых казаках. Мы и просим В. К. держать выше знамя свое...

Мы думали, что наши Атаманы стараются исправить свои прошлые ошибки и создают В. К., а вдруг получаем книгу от одного землемера под заглавием „Казачество“, вышущую Донским Атаманом с каких-то анкет. А в ней не исправляют ошибки, а и вовсе отдают нашу судьбу тем, которым отдавали недавно. В этой книге хвалят казаков, как малых детей, чтобы не плакали... Вот о них чудак хогит, чтобы казаки олять снасли Россию. Московская голова и рвет казачьей головой. Не обошлось без духовенства; не хватает еще отца духовного — раввина. И Керенский с Деникиным там же. Мы о Деникине слышали, что он не то военный стратег, не то политик, а по нашему он ни то ни другое, а только разоритель чужого добра.

Но есть авторы книги — казаки. О них я скажу: у нас женился учитель и брал жену из Новочеркасска. Отец учителя спрашивает: да ты, сынок, берешь жену, а може она не казачка, ты же попортишь свою кровь. Вот, наверно, эти авторы — казаки испорченной крови, что им недорого Казачество, а дорога Москва. А може быгды они хогят создать из себя армию, то просим, а мы рядовое казачество, пойдем с В. К. для освобождения своих родных Земель. Наши Атаманы становятся одной ногой на Казачество, а другой на Москву. Так, или иначе, им придется разодраться. Ведь ген. Кюнкунько так изложил в своей анкете о Казачестве, что читать охотно, а наши Атаманы лезут в пропасть...

Честь и хвала нашим сотрудникам В. К., что они взялись за правое дело. Терпели мы от добровольцев и от Москвы, но терпение кончилось. Один офицер марковского полка застрелил в Новочеркасске на пристани донца, хоруужего

Каргина, Федора Прокофьевича, станицы Каргинской, хут. Архипова за то, что Каргин хотел идти на парод, где марковцы грузили тачанки...

Итак, братцы, В. К. и народ Горного Кавказа! Сольемся в тесную семью и ни одна сила нас не устроит. Казачество било челом Москве, теперь нехай Москва хоть всю голову побьет о Вольное Казачество... Хотя ген. Краснов не хочет; говорит, что мы, В. К., отрежем плодородные земли и порты Черного и Азовского морей, но ни один хозяин не допускает распоряжаться

кому-либо в доме своем, а мы дети Земли своей и мы имеем на это право. Только мы.

Итак, желаем Вольному Казачеству довести начатое дело до конца. Мы — с вами!

Да здравствует Вольное Казачество!

Да здравствует народ Горного Кавказа!

Да здравствует наше Коренное Крестьянство!

Да здравствуют соотрудники чисто Казачьего дела!

Е. Кочетов.

Польша. 18-II-1929.

Международная жизнь.

Муссолини и папа.

20 сентября 1870 г., в дни соединения Италии, войска короля Виктора Эммануила вторглись в Рим, а через некоторое время народный плебесцит узаконил фактически наставшее положение вещей: конец папского господства. В знак протеста, папа заперся в Ватикане и с тех пор ни один „Наместник Христа“ не покидал всю жизнь стены этого двора. В 1871 г. король пытался установить мир с папой, предложив ему рядом законов гарантировать все моральные права суверена и ежегодный доход в 3¼ милл. лир. Папа отверг предложение, т. к. самое главное для него право, право суверенного владения определенным куском земли, как символ светской власти, ему не возвращалось. Несмотря на перерыв дипломатических сношений и решительный отказ папы идти на компромиссы, итальянское правительство со своей стороны пунктуально соблюдало предложенные папе права. Так, напр., папа поддерживал на началах светского суверена дипломатические сношения со всеми иностранными правительствами; в дни войны в стенах Ватикана встречались представители воюющих между собой держав; папа оставался духовным отцом итальянских католиков и т. д. Часто скорее итальянское правительство могло жаловаться на вмешательство папы в политическую жизнь Италии, чем наоборот. Успехи клерикалов в парламенте особенно были чувствительны для правительства, создавая атмосферу постоянной скрытой борьбы между Ватиканом и Квириналом.

Поход на Рим Муссолини и установление фашистского режима резко изменили обстановку. Несмотря на то, что многие клерикальные группировки оказались в рядах оппозиции новому правительству, Ватикан занял позицию сперва строго нейтральную, а после того, как в фашистскую программу был внесен пункт о необходимости религиозного воспитания молодежи, — позицию дружелюбно-нейтральную. Ряд законов, регулирующих отношения с папой, но обоюдному согласию был изменен и дополнен. Впрочем, говорить о полном мире все же было нельзя, т. к. и теперешний папа Пий XI достаточно определенно подчеркнул в своей первой энциклике, что считает огнистую светскую власть единственной гарантией полного и свободного выявления своей мощи духовной. В этом требовании кроется причина неудачи первых переговоров, которые начал Муссолини еще в 1925 г.

Дальнейший ход исторических событий однако настойчиво требовал разрешения вопроса. Едва ли эти требования зиждятся на внутренне-политическом основании: власть Муссолини слишком крепка, чтоб он нуждался в поддержке Ватикана. Иное дело политика заграничная. В то время, как почти все крупные державы света имели своих дипломатических представителей в Ватикане, Италия — не имела, и при современных отношениях с Ватиканом иметь не могла. А Ватикан слишком крупный фактор в международной политической жизни, чтоб его мог игнорировать Муссолини в своих широких планах внешней политики и предоставить сотрудничать с ним другим державам. Совпадение начала новых переговоров между Италией и Ватиканом весьма знаменательно совпало с принятием Муссолини портфеля министра колоний: ведь и Франция возобновила последнее сношение с Вати-

каном по мотивам колониальной политики. В глубокой тайне, изредка лишь нарушаемой отрывочными газетными сообщениями, велись переговоры почти в течение 2 лет.

Итальянское правительство согласилось признать шведский суверенитет папы и считать земли, занятые Ватиканом, за самостоятельное государство. В пределы нового государства отнесено еще несколько дворцов и прилежащих костелов. Католическое вероисповедание признано государственным вероисповеданием Италии. Итальянское правительство обязалось соорудить в Ватикане специальный вокзал, почту, телеграф и т. д., — чтобы обеспечить прямое и независимое сношение Ватикана с заграницей. Обитатели Ватикана перестают быть подданными Италии. Все патриархальные базилики, здания необходимые для управления Ватиканом получают право экстерриториальности.

Учреждается взаимное дипломатическое представительство, при чем папскому нунцию предоставляется положение старшины в дипломатическом корпусе Квиринала. Италия выплачивает папе 2 миллиарда лир за земли, отобранные в свое время у папы. За церковным браком признается юридическая сила; в низших и средних школах вводится обязательное преподавание католической религии.

Медленно, шаг за шагом, составлялась программа договора. 11 февраля сего года в торжественной обстановке Муссолини и кардинал Гаспарри подписали окончательный текст договора, содержащий 45 параграфов, и оканчивавшийся заявлением Святой столицы о том, что отныне она считает римский вопрос решенным и признает итальянское государство под скипетром Савойской династии. Через ½ часа после подписания договора в храме св. Петра вошел папа и в присутствии всего дипломатического корпуса, шведского короля, итальянских министров и делегации Мальтийского ордена было совершено торжественное богослужение с последующим благословением тысячных толп народа. Торжественные процессии в Риме среди развевающихся флагов папских цветов, рядом с флагами итальянскими, довершили празднество.

Днем 11 февраля политическая карта мира обогатилась новым государством. Площадь его равна 44 гектарам, но его влияние распространяется на весь мир. Трудно пока дать оценку действиям Муссолини, однако несомненно, что установление мира с Ватиканом будет иметь большие последствия для Италии. Недаром среди католических кругов слышны голоса опасения, что договор может не только укрепить авторитет папы, сколько усилить международный удельный вес Италии, за счет того же папы. В договоре есть параграф, согласно которому итальянское правительство обязуется сделать все возможное, чтобы укрепить за Римом престиж мировой католической столицы, — такого рода „обязательство“ равносильно „праву“. Не успели подписать договоры, как уже в шведских газетах промелькнуло сообщение о планах Муссолини воссоздать „Священную Римскую Империю“ во главе с королем Италии коронованным папой в Цезаря. Возможно, что это и не так, но все же, чтоб понимать шаги Муссолини, надо не забывать его политический девиз — „за ничто — ничто“, — в этом девизе безусловно и ключ к пониманию заключенного им последнего договора с папой.

Казачья эмиграция.

Юбилей Ф. А. Щербины.

2-го сего марта в зале ресторана „Граф“ собрались члены „О-ва изучения Казачества“, „Союза кубанских писателей и журналистов“, „Союза казаков окончивших высшие учебные заведения в ЧСР“ и приглашенные ими гости для чествования Ф. А. Щербины.

Дружные аплодисменты всех присутствующих встретили седовласого казака и неизменно сопровождали поздравления, речи, доклады и отрывки литературных произведений Ф. А.

Председатель собрания, Т. М. Стариков, открыл торжественное заседание приветственной речью, подчеркнув значение „большого дня в Казачестве“ — юбилея Ф. А., одного из немногих тех, о ком знала вся земская Россия и все Казачество, как ученого с большим именем, выросшего на казачьей земле.

Затем д-р О. И. Балабас сделал собранию биографический доклад о юбиляре.

По окончании этого доклада секретарь „Союза куб. пис. и журн.“ и „О-ва изуч. каз.“ д-р С. Федоров огласил текст, диплома „О-ва изуч. каз.“ на почетное членство Ф. А. и двух приветственных адресов от „О-ва изуч. каз.“ и „Союза куб. пис. и журн.“, а затем представил СКОВУЗ'а инж. Кулик прочел адрес, поднесенный этой организацией юбиляру.

Диплом и первые два адреса были прекрасной художественной работой г-на Битиньского, специалиста по старо-казачьему и украинскому орнаменту, написаны были они стильным письмом, в родной речи юбиляра.

Далее было оглашено пространное письмо известного российского экономиста г. С. Прокоповича, которому только внезапное заболевание гриппом помешало принять личное участие в торжестве. Представитель г. Прокоповича и его ближайший сотрудник по экономическому кабинету прочел о выдающемся значении Ф. А. на поле земской статистики, как идейного руководителя общероссийской земской статистики с конца 80-х гг. XIX столетия.

Работы и труды Ф. А. были оценены, как исключительные в этой области, а некоторые из них оригинальными и беспримерными в статистической науке всего мира.

Ф. А. горячо благодарил за приветствие и выразил желание поделиться своим здоровьем с очень в нем нуждающимся С. В. Прокоповичем.

Далее инж. М. В. Кириченко прочел стихотворные приветствия, присланные кубанскими поэтами.

В глубоких прочувственных стихах Ф. А. приветствовали из Болгарии — Я. И. Лопух, СХС — А. Е. Пивень и Г. С. Макуха, а из далекой Бразилии — С. В. Савицкий.

После этого были оглашены письменные и телеграфные приветствия Ф. А.

От имени грузин выступил г. Айолло, выразивший особенное удивление по поводу возможности приветствовать Ф. А. в среде казаков. Сам работавший в статистике по трудам Ф. А., г. Айолло в особенности отметил молодое юношеское сердце Ф. А., дающее ему возможность в столь преклонном возрасте творить прекрасные поэтические произведения, которыми Ф. А. еще и в будущем обрадует Кубань и ее друзей.

Б. Н. Уланов, от имени Калмыцкой Культурной Комиссии приветствовал „великого сына соседки Кубани, которой калмыцкий народ только может завидовать, т. к. у него не только отсутствуют убежденные сединами ученые, но и вообще седовласые старики. Наши кубанские казаки только могут гордиться, что в их среде есть такой великий учитель, а все мы, казаки всех Войск, должны позавидовать и радоваться, что казаки имеют такого славного ученого; так редко было в России сочетание казака-ученого и казака-общественного деятеля.“

Желая бодрости и долгого здоровья, г. Уланов привел китайское пожелание своему императору „жить 10.000 лет, и 10.000 лет, и 10.000 лет“.

Ф. А. явил пример не „сезонного работника“, каковых много, а работающего всю жизнь. Казака гоняют всюду — на север, запад, восток, но он пришел ссыльный домой и под его руководством, через 114 лет, возрождается Рада. Кубанцы пошли впереди других казаков, да они и вообще были впереди нас.

Член Рады г. И. В. Горбушин приветствовал Ф. А. от имени пражских членов Рады и группы пребывающих на Подкарпатской Руси; он отметил роль Ф. А. как председателя бюджетно-финансовой комиссии Краевой Рады. Комиссия эта была нервом, питавшим обороноспособность Кубани, и трудами ее пользуются и теперь.

Ф. А. он пожелал дожидаться того момента, когда он еще раз помажет грязью голову Войскового Атамана в Екатеринодаре на площади и тогда может сказать „ныне отпускаеши...“

Громовые несмолкаемые аплодисменты сопровождали это пожелание.

В весьма содержательной речи И. Л. Макаренко, приветствуя Ф. А. как председателя первой Кубанской Рады 1906 года, заявил как председатель последней свободной Кубанской Рады, что Ф. А. обладает, многим так недостающим, умением служить обществу.

Этому умению, мы, молодое поколение должно учиться у Ф. А. Он работал в мрачайшую эпоху, пережил несколько царствований, но всегда ориентировался на прогрессивность и умел доходить до намеченной цели. Он довел дело до Рады 1906 г., а мы — не сумели доделать дела Ф. А., потеряли его нить, и Рада пережила унижение ноября 1919 г.

Наша эпоха идет под знаком возрождения национального и народов, и Ф. А. не отстает от этой эпохи и в этом отношении есть чему у него поучиться.

Глава белорусского научного кабинета д-р Томаш Грыб вспоминает Пифагора, говорившего, что в основе жизни лежит число. Число лежит и в истории. Ф. А. начал историю тем, что в основу изучения забытого, придуренного народа-крестьянина положил число.

Только теперь в Белоруссии начали изучать крестьянство и по заветам Ф. А., он же изучал его более полусотни лет.

Большую речь произнес Е. Е. Лазарев. Потому то ему так и дорог Ф. А., что они проходили вместе все фазы русского народничества, в борьбе за счастье и свободу человека.

В лице Ф. А. он видит живое воплощение борьбы с каждым деспотизмом.

На что Ф. А. ответил: „Мы не последние могикане, мы частица народа, ему служили, народ даст и еще...“

Последним оратором вечера был сам почтенный юбиляр, который, отвечая, начал так:

Я шел в это собрание, чтобы на выраженные мне приветствия, за которые приношу искреннюю благодарность всем приветствовавшим меня здесь, дать правдивый казачий ответ.

Я казак, продолжает Ф. А., родился в казачьей среде и с детства до 80 лет не порывал связей с Казачеством.

Когда мне было 6 или 7 лет, то в этот единственный период моей жизни, я отдал себя служению военной профессии. Тогда у меня был свой отряд казачков-ровесников и мы сражались „с черкесами“. Но мы ездили на камышинках и сражались оружием из камыша.

В одной схватке я до крови поранил камышинкой щеку своему приятелю „черкесу“. Когда он, заметивши текущую из щеки кровь, заревел, то и я утирал кулаком свои слезы. Моя мать, узнавши об этом „геройском“ подвиге, отшлепала меня и посадила в кладовую под замок, решительно запретивши мне игры в войну.

Так подорван был у меня воинственный азарт. Я послушался матери, полюбил природу, сад, сельскохозяйственную обстановку с арбузами, дынями, домашними животными, птицей и т. п.

Прошло еще 6 лет. Меня отдали в Екатеринодарское духовное училище, но увидевши здесь жестокие сечения, я задумал убежать домой в станицу и пошел

„на разведку“. За городом, у заставы, где находился казачий „караул“, я натолкнулся на толпу, окружившую два окровавленных трупа — казака и черкеса. Они произвели на меня ошеломляющее впечатление, и я решил не воевать и не служить под ружьем, выкинул из головы мысль о побеге и дал себе слово так учиться, чтобы меня не секли. Все эти решения я полностью исполнил.

Когда я был уже студентом, у меня окончательно сложились мои отрицательные взгляды на войну и отношение к военщине, как профессии. Ища опору этим взглядам в реальной жизни, я глубоко был заинтересован взглядами сектантов на войну и военное насилие — у штундистов и божьих людей.

В свое время я напечатал в периодической прессе несколько очерков о казаках сектантах.

Но особенно поразительный случай произошел на 1-й, после 114 лет запрещения, войсковой Раде на Кубани в 1906 г., которую Николай II разрешил кубанским казакам для урегулирования земельных вопросов. Какие-то придворные чины поселили, однако, в государе опасение, что он сам себе подрывает трон, разрешивши казакам Раду, прообраз парламента. Тогда Николай лично приказал атаману, генералу Михайлову, чтобы Рада ограничилась земельными вопросами, и немедленно закрыть ее, раз она коснется иных вопросов. Мне, как председателю Рады, под строжайшим секретом, сообщено было личное распоряжение государя с просьбой принять все меры к тому, чтобы Рада не вышла из рамок своих полномочий.

Но один из депутатов, офицер-грек, воспользовавшись моим углублением в бумаги, неожиданно внес предложение о посылке депутации к царю с просьбой „снять позорное пятно“, наложенное урупцами на Кубанское Войско.

Урупский полк, посланный в 1905 году в Грузию для военных усмирений и экзекуций, отказался чинить их, отершил от командования полкового командира и офицерский состав и, выбравши командиром полка урядника Курганова, возвратился на Кубань.

От предложения есаула Рада пришла в необычайное волнение.

Я быстро сообразил серьезность положения и медленно спросил казаков: „Вы слышали какое предложение внес есаул?“

— „Слышали!“, — раздался ожесточенные голоса.

— „Он предложил избрать депутацию к царю“, и я остановился.

Напряжение росло.

— „И уполномочить ее просить царя...“ и еще раз остановился. Казаки напряженно ждали.

— „Чтобы царь снял наказание с урупцев, как поступивших честно и по совести“.

— „Верно!“, — загремели казаки со всех сторон. „Послать такую делегацию!“. Есаул Христом Богом клялся, что он такого предложения не вносил и что господин председатель „ослышался“. Но 500 депутатских голосов слились в один общий крик: „Послать гакуку депутацию!“

В этот момент я вызван был по телефону во дворец Атамана.

Там „на дежурстве“ сидел старший помощник Атамана, генерал Бабич, которому сообщали по телефону ход прений на Раде следившие за ними чиновники. На поставленный мне вопрос: следует ли закрыть Раду? Я дал слово черноморцу генералу погасить инцидент без шума и огласки. На Раде я передал приказ царя и предложил Раде выбрать одно из двух решений — или послать от Рады депутацию к царю с просьбой возвратит свободу осужденным урупцам, рискуя, что депутаты не будут пропущены в Петербург, и не вернуться, может быть, домой, а Рада будет закрыта, или же заняться земельными делами и довести их до конца, сохранивши в тайне инцидент. Рада приняла второе предложение и казаки сохранили в тайне инцидент.

500 депутатов Рады, избранных от всех станиц Войска, как лучших представителей его, закрепили меня в моем убеждении окончательно, что я, как казак, никогда неслуживший под ружьем и всегда протестовав-

ший против войны и смертной казни, иду по верному пути. Казаки ценили свое военное положение в смысле самозащиты и защиты справедливых, по их разумению, дел, а не пролитие крови на войне и при насилиях.

Когда, после так называемого Ледяного похода, Кубанской Радой предложено было мне организовать Верховный Казачий Суд и быть его председателем, я согласился принять это предложение на условии, что суд не будет выносить смертных приговоров. Было высказано опасение, что в состав суда могут войти лица, несогласные с моею постановкою юрисдикции. Были избраны 12 членов суда от разных станиц из простых, нечиновных казаков, типичных представителей черного труда, и все они оказались горячими противниками смертной казни.

В области социального строительства казаки не только шли по исторически проторенной демократической дороге, но и меняли свой демократический уклад в направлении развития культуры и движения к общечеловеческим идеалам. В предреволюционные годы Казачество всюду стремилось к широкой и лучшей постановке просвещения, к поднятию экономики и к формированию наиболее образцовых социальных организаций. В большинстве местностей на Кубани, без обязательных законов и понуждений, достигнуто было всеобщее обучение детей, открыто большое число среднеучебных заведений, несколько высших и много специальных, сильно подняли казаки земледелие и некоторые его производства, как маслично-подсолнечное и мукомольное, во многих местах когда-то дикие степи распахивались под посевные травы и культуру цветных растений и т. п. В области экономики кубанские казаки поставили так высоко кооперативное дело, что почти не было таких казачьих хозяйств, которые не причастны были бы к кооперации. Мало того. Они создали такие формы кооперации на казачьем общинном начале, как устройство длинных железнодорожных путей на общественные капиталы станиц. В сфере самоуправления и ответственности казаки явочным порядком создали так называемые с'езды по местным делам. Разрешенную Николаем II Войсковую Раду казаки разделили на четыре части, назвавши их в целях усыпления центральной власти не Радами, а с'ездами по отделам, продолжая в них осуществление принятых Радою постановлений.

Благодаря всему этому, в первый же момент революции, казачьи Войска сразу же стали на собственные ноги, создавши собственные самостоятельные образования государственного типа, со своими парламентами — Войсковыми Кругами и Радами, с выборными Атаманами в роли президентов, с ответственными перед Кругами и Радами министерствами и собственным законодательством. Казаки эволюционно подошли к этим высшим формам социального строительства. Эти формы стали у казаков сразу своими и знакомыми формами, построенными по одному и тому же шаблону: на низу в станице казачье общество, общественный сбор или рада и выборный станичный атаман, и наверху — Войсковой Круг или Рада и выборный Войсковой Атаман. Казаки использовали свою историческую стихию.

Я дожил до этой фазы казачьего социального строительства, всю жизнь работал в его направлении, исторически сложившемся на интересах народоправства, и продолжаю все так же работать и вне родной Кубани за границей. Я прошел слишком большую школу и очень сложную процедуру в ее деятельности, чтобы не понять тех условий, в каких приходится здесь работать. Тут, как бы ни была благоприятна для эмигранта среда, она для него чужой монастырь, а не свой дом.

Я сразу стал в эмиграции на чисто научную и культурную почву, придерживаясь возможно большей объективности в своей деятельности. По моим воззрениям и моральным правилам, я, как казак, с этой позиции не сойду. Ибо мне ясна общая дорога казачьего объединения в направлении культуры к общечеловеческим идеалам, к которым определено потянуло Казачество. И я с большим удовольствием принял предложение общества изучения Казачества, Союза родных кубанских писателей и журналистов и Союза казаков абсолютных высших школ, чтобы воспользоваться настоящим

моментом и поблагодарить за оказанную мне честь и сказать: пойдете дружно по намеченной наукою и культурною дороге к общечеловеческим идеалам для общего блага всего Казачества!

В части неофициальной, были прочитаны отрывки из произведений Ф. А. — глава „В учебной команде“, описание первого выступления Ф. А. в школу станичного дьячка.

Затем глава из его исторической поэмы „Черноморцы“ — „Рада пехоты“ и последняя глава поэмы „Богдан Хмельницкий“ — „Смерть Богдана“.

Произведения эти были написаны Ф. А. уже здесь в эмиграции.

Заседание окончилось как раз к последним отходящим из Праги поездам и присутствующим волей-неволей пришлось расстаться с юбиляром около полуночи, унося с собою теплое чувство к его светлой личности.

С. Ф.

Донской Кадетский Корпус в Египте.

22-го февраля 1920 года в общей волне отступления с кадрами преподавателей, воспитателей и служащих Донской Кадетский Корпус с новым директором (перед этим умер от тифа прежний директор Корпуса ген. Чебогарев) ген. лейт. А. В. Черячукиным был погружен в г. Новороссийске на пароход Добровольного флота „Саратов“ для переезда в неопределенном направлении. „Саратов“ был переполнен эвакуирующимися самыми различных форм и оружия, и кадеты тот же час расплылись в общей массе беженцев. Больших трудов стоило ген. Черячукину подвести учет рассеявшейся массе кадет и не дать ей окончательно затеряться среди всех. 22-го февраля, покидая Родные Земли, измученные голодной жизнью, больные тифом и с трудом осознающие грозность событий, думали-ли кадеты, где им придется очутиться через три недели? Если бы конечный пункт путешествия был известен, вряд ли и десятая часть состава Корпуса была бы погружена на „Саратов“.

В атмосфере напряженной ненависти со стороны, утративших человеческий стыд, многочисленных спасающихся чинов Добрармии и их спутниц сомнительных репутаций (женщин было на „Саратове“ очень много), в атмосфере полной усталости и отупения, вечно голодные кадеты пропустили мимо своих глаз — водную ширь Черного моря, живописный Стамбул, Дарданеллы, Мраморное и Средиземное моря, и чуть было не остановились надолго на о. Кипре. 13-го марта с утра заблели вдалеке ослепительно сверкающие под солнцем здания неведомой страны загадочного города Александрии. А к полудню „Саратов“ вошел в гавань и очутился в совершенно отличном мире — парусных лодок, белых домов, незначительного говора и живописных одежд египтян. Что за жизнь будет в этой таинственной стране — никто не знал.

После длительного карантина, где кадеты немного отдохнули, подкормились сытным английским пайком и вымылись (на пароходе большинство не имело возможности даже ни разу раздеться), вместе с остальной беженской массой Корпус распоряжением английского правительства был отправлен дальше вглубь страны. И надо сознаться — уезжали из карантинного помещения все с большим сожалением. Ведь там же кадеты — спали на матрацах, сытно ели, получали пилиросы и кроме того в середине круглого карантинного двора высился чудесный южный сад с пальмами и самой разнообразной растительностью. Но делать было нечего, и после короткого переезда по новым землям в маленьких вагонах — Корпус прибыл на место назначения, в лагерь деревушки Тэль-эль-Кебир, что значит в переводе — Конец Света. Далеко заехали!

Пассажиры „Саратова“ не были здесь первыми гостями. За колючими проволоками на каменистой равнине Тэль-эль-Кебира уже простерлись длинные ряды палаток беженцев, эвакуированных прежде, проводивших жизнь в сытном растительном безделье. Ген. Черячукину пришлось проявить огромные усилия, чтобы добиться признания Кадетского Корпуса школой и вы-

делить в особый лагерь. Обстановка для занятий все же была очень тяжелая — не было помещений для занятий, не было вовсе книг, бумаги и достаточного количества преподавателей. Кроме того, соседство с беженскими лагерями таило неисчерпаемые источники соблазнов и разлагающе влияло на молодежь. Поэтому директор повел энергичные хлопоты о переброске Корпуса в другой район. Пока же события текли своим чередом — понемногу занимались, учили английский язык, совершали экскурсии, знакомились с новой страной. Внешне вид изменился к лучшему — при климатических условиях Египта вполне достаточной одеждой были: трусики, легкая рубашка и пробковый шлем.

В Тэль-эль-Кебуре вскоре появилась на кладбище первая могила, умершего воспитателя.

Наконец, пришло долгожданное распоряжение от английских властей — о переводе Корпуса, признанного школой, в другой район, и, собственно школьная жизнь началась с момента появления Camp of the Don Cadet Corps около города Измаилии.

Лагерь Кадетского Корпуса был разбит в нескольких километрах от г. Измаилии на песках, начинающейся Ливийской пустыни, у самого берега озера Тимзах (Крокодилово озеро). Дикое когда-то священное озеро Тимзах теперь обмелело, загрязнилось и в прибрежной траве живет много крыс, на которых любят охотиться маленькие кадеты и пансионеры (Донской пансион, подготавливающий будущих кадет, во главе с ген. Свечниковым разделит все радости и невзгоды совместно с Корпусом). Мимо лагеря проходило великолепное шоссе из Измаилии к переправе через Суэцкий канал на Аравийский полуостров. По этой дороге часто двигались длинные цепи караванов, сопровождаемых живописными фигурами сухощавых бесдуинов. Суэцкий канал проходил от Camp of the Don Cadet Corps в десяти минутах ходьбы.

Донские кадеты на берегу о. Тимзах.

Лишь только все кадеты перешли в новый лагерь, араб-феллах в черном халате поставил напротив, на берегу Тимзаха лоток с фисташками, шоколадом, апельсинами и финиками — началась новая, спокойная и любопытная жизнь. Вечный зной, вечный ветер с Ливийской пустыни, вечный песок... Песок забирался всюду и никакими силами от него нельзя было избавиться. Песок был в посуде, забирался в уши, волосы, хрустел на зубах и между листьями книг. С песком идег в Измаилии беспрестанная борьба — день и ночь на Суэцком канале работают землечерпалки, ежедневно очищаются рабочими и солдатами дороги. Если оставить эти работы — через месяц все покроется толстым слоем песка. Только в таких местах можно понять — какая это жуткая и страшная сила.

Занятия потекли планомерно. Постепенно собирались книги, учебники; в камышевых бараках, отведенных под классные помещения преподаватели в полном составе занимались с кадедами, изнывая от жары; потом к жаре привыкли. Здоровый воздух, здоровая и обильная пища (кофе, какао, сыр, варенье,

сытные до невозможности обеды и ужины) — быстро сказались на физическом развитии кадет. Стал широко прививаться спорт: состязания в бегах, прыжках, дискоте, метанье, метанье копьев, ядер, воллей-болл, крикет, комнатный теннис и масса мелких полезных физических развлечений заполняли досуг кадет. Снарядов для упражнений и всевозможных мячей было много — это доставлял добрейший представитель У. М. С. А мистер А. Симонс (американец). Спортом увлекались. Была и лодка. Часто в душевные ночи играли в футбол на футбольном поле при лунном свете — луны в Египте такие необыкновенно огромные и яркие, каких больше нигде не приходилось видеть.

Футбольные команды были в каждом классе. Сборная команда считалась из лучших в Измаилии. Состязания с англичанами, арабами, французами, индусами и малайцами происходили очень часто. Устраивались и гимнастические праздники. Кроме спорта (плавание не считалось и спортом) гордостью кадет был хор, организованный и блестяще выполнивший свое назначение под управлением регента Н. М. Верушкина (уральский казак). Слава хора разнеслась далеко в Палестину, когда стараниями энергичного корпусного священника о. Дмитрия Троицкого (уралец), удалось организовать поездку хора в Иерусалим. Об этой триумфальной поездке можно и следует рассказать в отдельном очерке. Но, чтобы быть правдивым — о хоре нужно сказать одну и неблагоприятную вещь. Регент сумел заинтересовать хористов музыкой и развить музыкальные вкусы по линии рафинированных оперных и сложных музыкальных исполнений. Казачья же песня была в забросе. Со стыдом вспоминает, нишуший, как однажды, после неоднократных требований к регенту по развитию среди кадет пения своих песен, рассерженный (а скорее — опечаленный) директор взял плеть и начал сам дирижировать заумничавшими хористами. В остальном хор был великолепен. Кадеты, вообще, всегда старались „ловчить“ от церкви по причинам утомительности стояния в церкви, но какое-нибудь „Покаяние“ Ведела привлекало самые тугие музыкальные натуры. Церковь была устроена своими силами. Как ценную память своей поездки в Палестину хор привез подарок в церковь Корпуса икону — благословение иерусалимского патриарха Дамиана (грек) и частицу Животворящего Креста.

Надо удивляться, что, несмотря на иссушающий зной, кадеты так много и разносторонне проявляли свои природные дарования. Издавался очень тщательно рукописный журнал „Донец“. Потом его начали размножать на гектографе. Тот же Н. М. Верушкин создал духовой оркестр, инструменты для которого пожертвовали в Порт-Саиде, моряки из Владивостока. И, наконец, в страшных трудных условиях создан был театр, начавший свои постановки с блестящих „Романтиков“ Э. Ростана. Театр измаильский дал первые цветы. Сейчас часто слышим многих молодых артистов, начавших свою карьеру в камышовом бараке в Ливийской пустыне. Попутно с занятиями классными, шли и внеклассные. Французский и английский языки преподавались на этих занятиях в больших объемах. К концу первых трех месяцев многие уже болтали свободно по-английски. Преподавалось и автомобильное дело, также и электротехника. Вскоре при лагере возник небольшой гараж, где работали кадеты как шофера.

Внешний вид лагеря был очень опрятен. Директор установил награду самой чистой палатке — донской флаг на неделю мог развиваться над этой палаткой. Соревнование было ожесточенное, особенно у младших. Знакомства поддерживались больше начальством с англичанами, французами, итальянцами и греками города. С арабами у начальства близких отношений не было. Новости из пылающего огнем гражданской войны Крыма поступало не так много. Читалось все очень жадно. И катастрофа борьбы юга с севером произвела необыкновенное впечатление. Но жизнь залечивает все раны; постепенно сведений стало поступать больше, многие списались с родными домами, стали приходить газеты, „письма П. Н. Краснова“; читал я украдкой, стащив в канцелярии, „Голос Казачества“ и даже, раз-

горячившись, послал статью, ухлопав последние два пиастра на марки.

Составилась приличная библиотека. Наладилась с языком Атаманом В. В. Д. Оставила навсегда след в душе каждого любопытнейшая экскурсия кадет в Каир — на пирамиды. Хеопсова пирамида, Сфинкс и цитадель Каира никогда не изгладятся из памяти.

В начале 1922 года появились первые сведения о том, что Корпус и все беженские части в Египте будут перевезены на Балканы. Но этому сообщению не придали большого значения. Занятия шли, уже состоялась второй „египетский“ выпуск кадет; жизнь шла наложенным руслом. И вдруг слухи эти оказались справедливыми. Последовало официальное распоряжение. Это произвело ошеломляющее впечатление. Для кадет Египет стал уже родным. Налаженная школьная машина стала. Никакие ходатайства не помогали и, наконец, лагерь загудел, собираясь в путь — в новые земли. Проехав из Александрии на английском пароходе „City of Oxford“ знакомую дорогу по Средиземному морю, оставив часть младших кадет, в образованной в Буок-Дере Russian School, с плачем расставшихся со сверстниками, Донской Корпус прибыл в Варну. Здесь жизнь пошла иначе. Ни о каких занятиях думать не приходилось. Сразу же началось распыление, кадеты обтрепались, потеряли прежний вид, изменились внешне и духовно. Никакими усилиями „Египетский Корпус“ спасти не удалось. В Варне закончилось его существование. Старшие кадеты уехали кто куда — несколько человек в Атаманское Военное Училище, более молодые переехали в Шуменскую русскую гимназию и Тшебовскую. Остальные рассыпались по всему свету.

Кадеты в Варне.

Вспоминая прожитые в Египте два года, я вижу, что в той, уже теперь далекой, жизни много интересного материала осталось на память. Под каким-то особым влиянием египетской культуры, песков пустыни и зноя интенсивно шла работа. Много материалов для наблюдений и размышлений оставила нам таинственная страна, где царит еще право кулака, где арабы рассказывали нам сказки, как будто списанные с персидских „Тысяча и одной ночи“, где по великолепным шоссе проходят верблюды и бедуины, где женщины прячут лица под покрывалом, а феллахи в цветных халатах ездят на велосипедах босяком, где пальмовые рощи простираются в морях песка. Теперь на берегу Тимзаха от лагеря донских кадет не осталось никакого следа. Никакого памятника...

Впрочем, нет.

Памятники есть. На греческом кладбище в городе Измаилия мы оставили под кипарисами несколько могил наших товарищей.

Ю. Гончаров.

Концерт Я. В. Тетеревятникова в Праге.

В воскресенье 3 марта с. г. в музыкальном зале „Mozarteum“ состоялся концерт баса-баритона казака инж. Я. В. Тетеревятникова.

Как по охвату репертуара, так и по качеству его исполнения этот концерт может считаться образцовым.

В последние годы у Я. В. Т. прибавилась большая четкость музыкальной фразы и углубленность музыкальной трактовки.

К числу достоинств Я. В. Т. следует отнести также его превосходную дикцию, качество, не часто встречающееся в вокальной семье. От каждой исполненной вещи веяло лирической свежестью, обаянием глубокой музыкальности и продуманностью технического исполнения, — все это вполне пленило многочисленных слушателей, которые покрыли исполнение Я. В. Т. бурными и продолжительными аплодисментами, перешедшими в овации молодому певцу — казаку.

Я. В. Тетеревятников.

Яков Васильевич Тетеревятников, — казак ст. Гундоровской Всевеликого Войска Донского, родился 10 августа 1894 года.

По окончании Платовского реального училища в ст. Усть-Медведицкой, поступил в Донской Политехникум в гор. Новочеркасске, где также посещал Донское музыкальное училище.

Во время Великой войны поступил в казачью согню Николаевского Кавалерийского училища, окончив которое, вышел в казацки части, в составе которых пребывал вплоть до эвакуации из Крыма.

Первые годы пребывал вместе с Гундоровским Герориевским полком в Софии, где в продолжение года был солистом в знаменитом ныне хоре С. Жарова.

В 1922 году прибыл в Прагу, где записался в Политехникум, который блестяще окончил (4-ым из своего курса).

В настоящее время всецело отдался музыке. И здесь не только знакомится с лучшими иностранными композиторами, но и не забывает милое для него народно-казачье творчество, откуда он извлекает богатейший выбор новых звуковых красок. Ни одно культурно-художественное казачье начинание в Праге не проходило без живейшего участия „нашего Яши“, который всегда являлся „гвоздем“ подобных вечеров.

И сейчас хочется не обойти молчанием и сказать несколько скромных приветственных слов из казачьих уст нашему молодому многообещающему певцу и искренне пожелать ему дальнейших успехов на его трудном, но и славном пути!

В. Г.

Бюро труда.

В кругах В. К. поставлен на очередь дня вопрос об организации своего бюро труда. Необходимость его организации вызывается с одной стороны все увеличивающимся числом обращений и просьб казаков о помо-

щи в деле устройства или прискания работы, так и некоторыми возможностями в этом отношении, открывающимися в некоторых станах, как напр. Польша, Франция и др. За неотложность осуществления этой мысли говорит особенно то тяжелое положение, в какое часто попадают сейчас казаки, оканчивающие высшие учебные заведения и не могущие найти сразу работы по своей специальности.

Письмо в редакцию.

М. Г. Г. Редактор!

Не откажите в любезности поместить нижеследующее письмо Президиума Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР.

Правлению Калмыцкой Станицы имени Полковника Г. Э. Тепкина в Гренобле, Членам Калмыцкой Комиссии Н. И. Маглинову, Г. И. Барашкину, г. г. Балданову, Т. Дудинову, Т. Лоскутову, У. Сармуткину, А. Ушаткину, С. Балданову, Джаб Менкулеву, Б. Шикадинову, О. Баваеву, М. Замкову, Е. Картинову, А. Бембееву, Ц. Таринову, С. Хохлашову, С. Балдашинову, Х. Андрушкину, М. Чулкинову, П. Нохашкину, Б. Авдикову, Б. Джунгурову, Н. Цеденову, Ч. Басанову, Н. Манджикову, С. Бальджирову, С. Аршинову, Д. Матвееву, Д. Шургучинову, П. Менкулеву, Михаиллинову, Л. Акугинову, находящимся во Франции.

Глубокоуважаемые и дорогие братья!

Именем Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР приносим Вам всем сердечную и глубокую благодарность, что к нашему годовому национальному празднику „Цаган“ вспомнили нашу калмыцкую учащуюся молодежь, воспитывающуюся в различных школах Чехословакии и прислали деньги на устройство ей праздника и раздачу „бэлэгов“.

Правление Тепкинской Станицы прислало 120 фран. фр., а остальные 337 крон. Ваше желание в точности и с радостью нами выполнено. Ваше милое и братское внимание к нашей учащейся молодежи свидетельствует не только то большое значение, какое придаете Вы этой молодежи для светлого будущего нашего народа, но также и ясное понимание всеми Вами необходимости образования, науки для национального возрождения нашего народа.

Калмыцкая Комиссия счастлива засвидетельствовать пробуждение и рост в лице Вас всех национального самосознания нашего народа. В этом Вашем сознании выявляется верный залог и фундамент преодоления нашим Народом всех тяжких невзгод, какие выпали на него в последние 15 лет, и верного, счастливого национального возрождения Калмыцкого народа...

Калмыцкая Комиссия посылает всем Вам душевный братский привет.

Председатель Комиссии Б. Уланов.

Заместитель Председателя С. Баянов.

Секретарь Ш. Балинов.

В Белграде.

Общая казачья молитва в Православном храме в Белграде, в день смерти В. Атамана А. М. Каледина, в этом году прошла при большом числе присутствующих. Церковь была полна. Пел церковный хор. В списках „за упокой“ были прочитаны имена не только погибших казаков и Атаманов в недавнем прошлом, но и тех, кто за Волю сложил головы и в героические старые года. Может быть, за сотню лет были помянуты в первый раз наши предки, в борьбе за казачью свободу, за казачьи идеалы шедшие на эшафот и на муки. В будущем, в нашем казачьем прекрасном будущем, этот праздник печальный поминовения всех погибших казаков и вождей Казачества, должен стать национальным днем. Вся наша история — героическая борьба за лучшую долю, за счастье Казачества, и смеем ли мы не молиться за своих старинных предков-казаков, чей дух живет в нас и чей огонь жертвенной любви к Казачьим Краям мы пронесли сквозь миллион испытаний.

Вечная память вам, борцы-казаки и казачьи вожди, в этот день мы молимся за всех вас, погибших за Ка-

зачество, когда бы и где, и в какое время вы не отдали бы свою жизнь за благо своего Народа.

В тот же день, 10 февраля, в три часа дня состоялось заседание, посвященное Казачеству и памяти павших. Были произнесены речи.

Терск. В. Атаман ген. Г. А. Вдовенко открыл торжественно заседание, сказав прочувственное слово о Героях Казачества, указал на трагизм их гибели и призвал казаков сплотиться в крепкую и сильную семью.

Выступление Е. А. Букановского носило информационный характер. Он познакомил многочисленных слушателей с заслугами Казачества, рассказал о славных делах, перечислил войны и завоевания а... так-же „услуги“ Российской Империи. Речь, которую можно до праву назвать прекрасной, заключительное слово лишило своего духовного содержания. Е. А. Букановский пригласил как бы Казачество вновь поступить на службу и продолжать то же от чего Казачество сейчас еще не может оправиться и стоит на краю гибели. Опытов империалистического и коммунистического господства с нас довольно. Хотим — свободного и независимого бытия и служить больше никому не будем.

Слово Л. В. Зверева о бессмертии идеалов казачьих перешло потом на упреки русским в том, что Казачество всегда держалось ими на запятках и в загоне, тогда как своей доблестью и своими неисчислимыми жертвами оно „заслужило“ более лучшее к себе отношение.

Когда Студенческий хор пел Войсковые Гимны, весь зал стоял, а выступление поэтов и писателей казаков внесло и частицу художественности в общее впечатление о заседании.

Выступали: П. Поляков со стихами, уже известными читателям из № 29 „В. К.“, Л. В. Зверев читал рассказ В. Курганского, напечатанный в № 28 „В. К.“ „Как умирает Атаман“. Б. А. Кундрюцков прочитал стихотворение, посв. А. М. Каледину и М. А. Караулову, напечатанное в № 28 „В. К.“, поэт Волгин, стихи о погибших за Россию, Н. Евсеев — стихи посв. А. Назарову.

Исключительным номером был А. П. Черный со своей бандурой. Его песни вызвали у многих слезы. Особенно, где казак-певец поет о Кубани и о том, что вырастают „нехрещені“ козацькі діти.

Зал был полон. Хотелось, чтобы в следующий раз подобные собрания снимал фотограф.

На состоявшихся перевыборах в Белградской общеказачьей студенческой станице 24-го февраля

Правление Станицы избрано в следующем составе: атаман П. Поляков, помощник П. Суслов, писарь К. Поликарпов, казначей И. Фастунов.

Ревизионная комиссия: председатель Н. Евсеев, члены: Н. Захаров, Г. Захаров.

(Соб. кор.)

Помогите!

В ночь с 13 на 14 на Неманьиной улице во дворе загорелись бараки, в которых жили казаки: портной Фома Козлов и рядом — сажожник Н. И. Бородачев. Все выгорело до-тла. Сгорели машины и заказы. Н. И. Бородачев получил ожоги на лице, руках и ногах, когда спасал, босой бегая по снегу свое имущество. Что удалось вытащить погорело уже во дворе.

Станичники им надо помочь! Все пожертвования направлять: или в Кубанскую канцелярию — Неманьина 26, Белград. С. Х. С. или Представителю журнала „Вольн. Казачество“ Кочина 1 — Б. А. Кундрюцкову, с указанием, что деньги для погорельцев.

(Соб. кор.)

В Болгарии.

17 февраля с. г. Софийской казачьей станицей с Комитетом „Казачья помощь“ и всеми другими казачьими организациями была отслужена панихида по павшим вождям и героям Казачества.

Того же дня в 5 часов, в Русском доме было устроено открытое заседание, под председательством И. К. Зенкова, посвященное памяти павших Вождей и героев Казачества.

Новое издание.

В Белграде стал выходить Информационный Листок „Герский Казак на Чужбине“. Издательство: Терская Канцелярия. Белград. Приштинская 21.

(Соб. кор.)

Лист до Редакції.

В. Шановний пане Редакторе!

Щиро прошу Вас надрукувати у „В. К.“, що від сього часу я не лічу себе членом „Литературной Казачьей Семьи“.

З великою повагою, Гнат Макуха.
20 лютого. 1929. Югославія.

В Казачьих Землях.

На Кубани.

Наш корреспондент посетил недавно покинувшего Кубань чеха, хозяйственника — технорука. Человек этот, проживший на Кубани более тридцати лет и превосходно знающий местную жизнь, рассказал следующее:

Жизнь на Кубани тяжелая, и для человека, привыкшего к какому-либо правопорядку, прямо невыносима, поэтому в особенности и страдает коренное кубанское население. Общее несчастье роднит между собою казачье и коренное инородное население, а гнет советской власти объединяет и сближает их. Эти две группы населения относятся весьма отрицательно к новоприсельцам и, попросту говоря, ненавидят их. Новоприсельцы в подавляющем своем большинстве „босятва“, из рядов которой соввласть рекрутирует необходимых ей различных „индивидуумов“. Они составляют оплот и основу соввласти в Казачьих Землях. Процент новоприсельцев, в населенных пунктах не одинаков, он колеблется от 10 до 30, в зависимости от промышленного значения пункта и близости его к железной дороге. В пунктах чисто сельско-хозяйственных и удаленных от ж. д. их меньше, в промышленных и на линиях путей сообщения — больше.

Это типичный „совпролетариат“ — отбросы советско-

го строя, ниже и хуже которого в моральном отношении быть ничего не может. Из них же, главным образом, рекрутируются всемогущие теперь на Кубани с.-хоз. рабочие — батраки, в юридическом и правовом отношении поставленные на уровень рабочих фабрично-заводских, теперешнего привилегированного класса в СССР. На Кубани влияние этого совпролетариата еще не так велико — преобладающий тип с.-хоз. жизни Кубани не дает особенно благоприятных условий для его размножения, гораздо хуже обстоит это дело на Дону, в особенности в каменноугольном районе и там, где имеются большие фабрики и заводы. На Кубани страдают от совпролетариата города и большие станицы.

Не малую роль в жизни кубанского населения играют и евреи, но их надо разделять на две части — коренных жителей городов и в малом количестве станиц и евреев, пришедших после 1920 г.

Первые никакого вреда населению не приносят и терпят наравне со всеми коренными кубанцами. В своем большинстве они не состоят в компартии и все против соввласти; ведут строгую нравственную жизнь, воспитывают надлежащим образом своих детей и при первой возможности будут помогать валить коммунистов. Поэтому с ними особенно борются евреи при-

шельцы; многие из коренных евреев в тюрьмах и ссылке, почти все обнищали, много есть среди них и умиленных.

Вторые, главным образом коммунисты и отъявленные негодяи. Новоприбывшие служат преимущественно уполномоченными ГПУ и занимают различные должности в партийных и советских учреждениях, главным образом такие, которые дают им возможность властвовать, но самим оставаться в тени — вроде секретарей различных исполкомов, политруков и т. п. Они же главным образом и вытесняют из совучреждений остатки местной старой интеллигенции.

Кое-где она еще сохранилась, загнанная, забитая, „недорезанная“ и бескровная. Услугами интеллигенции там пользуются, но соворганы считают ее своим врагом и терпят только по необходимости. Новый интеллигентский совпорядок не создал, хотя различного рода совначальники и причисляют себя к ней; с точки зрения культурного человека новой интеллигенции нет.

Остальное население Кубани делится так:

Батрак — персона грата. Абсолютно ничего не имеет, ни с чем не связан, ничего не хочет делать, живет на счет населения. Их охотно принимают в компартию и из них же в большинстве комплекуются мелкие агенты соввласти, шпионы, селькоры — эти „глаза и уши“ соввласти на местах; поэтому их там и избивают беспощадно.

Бедняк — качества не лучшего, но бывают между ними и добропорядочные, главным образом б. безземельные крестьяне хлеборобы. Бедняк имеет кусок поля, по числу едоков, но не имеет ни скота, ни с.-хоз. орудий, ни семян. Все они входят в КОВ — т. е. крестьянский комитет взаимопомощи, каковой имеется в каждой станице. В их распоряжении находятся лучшие и ближе расположенные к станице земли, б. экономии и различного рода колхозы из церковных, монастырских и частновладельческих земель. Им помогают машинами и ссудами, вообще они на привилегированном положении. Из них же, также как и из батраков вербуются те же необходимые для соввласти элементы. Эти бедняки голосуют за высоту самообложения в станице, но сами в этом самообложении не участвуют, результаты же их голосования тяжело ложатся на действительных с.-хоз. порою разоряя их.

Лучшие из них, по советской терминологии, носят название „подкулачников“, т. к. они не идут нога в ногу с затеями коммунистов, а поддерживают середняков и „кулаков“, получая от этих существенную поддержку в житейских нуждах. Подкулачничество не всегда и с большим разбором принимают в компартию.

Средняк — составляет 80% всего населения Кубани; это группа самая многочисленная и неблагонадежная к соввласти. К середняку и бегают бедняки „позычить“ за минимальную плату то коней, то с.-хоз. машины, то еще чего. Не „позычить“ нельзя, в противном случае середняку грозят тысячи бед и несчастий — вроде повышенного обложения налогами, доносов, обысков, следствий, высылки и т. п.

Разверстку самообложения и обложений производит финотдел, в котором хозяин права голоса не имеет.

Средняк может иметь не более 2-х лошадей, одной коровы, 5—6 овец, и по выражению коммунистов это уже так наз. „мелкая буржуазия“.

Зажиточный середняк — стоит уже почти на грани между середняком и кулаком. Соввласть играет на этом. Если зажиточный середняк лоялен и сочувствует соввласти, то он остается в категории середняков, в противном случае его зачисляют в кулаки, что влечет за собою всевозможные ограничения: потерю права голоса на выборах, лишение кооперативного пайка, неимения права на получение мануфактур и, конечно, высшие налоговые ставки.

К кулакам — соввласть огносят всех остальных с.-хоз. материально стоящих крепче; и жизнь их совсем незавидная — постоянная борьба и опасения, берут они только своей силочностью и экономической мощностью, конечно, сравнительной. Соввласть эксплуатирует их и грабит беспощадно. Вот классический пример „кулака“ и его разорения:

В одной из станиц на маслобойном заводе служил

механиком иногородний, получая на бумаге 100 руб. в месяц, кроме того он имел право приобретать с завода большее количество масла и шелухи, чем обыкновенные смертные. Один сын у него служил, а другой занимался с.-хоз. и кроме того прирабатывал кустарным образом — имел токарный станок, на котором и работал. Отец помогал сыну хозяйничать, вместе они сколотили денюжат, купили старую, весьма погрешанную молотилку, сами ее отремонтировали и пустили в ход; молотили хлеб с 16-го—20-го пуда.

Завод, на котором служил отец, закрылся и он вернулся в свою станицу; служить у соввласти старику больше не хотелось и он решил кустарничать дома. Купил с сыном два жернова, мотор и у себя в сарае соорудил нечто вроде мельницы.

Таким образом, эти два труженника своими мозолями создали кустарное предприятие с личным трудом. По совзаконам кустари пользуются разными преимуществами, но в этом случае получилось обратное. Местные власти увидели в этом кустаре человека вредного для совгосударства, богатея, подрывающего устои коммунизма.

Прямо ничего сделать не могли, т. к. законы были на стороне кустаря, тогда его объявили кулаком, а это повлекло за собой лишение голоса и наложение всевозможных податей и сборов по наивысшим ставкам.

Все имущество кустаря, вместе с его домом, стало не больше 12.000 рублей. Согласно показаниям, налог с его заработка был установлен в 400 руб. в год, но в виду того, что книги у кустарей не гудятся и доказать доходности нельзя, местный финансовый инспектор, с коммунистами, определили доходность иначе, и установили налог в 4.000 руб. в год. Кустарь с горем пополам, кое-что продав, кой-где подзавяв, налог выплатил. Власть на этом не успокоилась и потребовали внесения дополнительного обложения в 500 руб. Кустарь продал последнюю скотину, но заплатил и эти деньги; тогда на него наложили еще 163 руб. в год, у кустаря уже не было не то что 163-х рублей, а и 163 копеек, то эту сумму уже он не мог заплатить. У него все положительно отобрали и выбросили еще из своего дома.

Теперь отец с сыном бедняки — имеют право голоса, состоят в профсоюзе, один где-то мастерит, а другой обслуживает в какой-то станице мотор.

Таким путем разоряли на Кубани тысячи людей; это тоже „национализация“, но под другим соусом.

У советчиков, кстати сказать, все идет в ударном порядке; так, верхушка выработывает лозунг: „машинизация на кулаков“; — просупки кулаков караются по ст. 107, а они весьма растяжима — от мелких штрафов, вплоть до ссылки и расстрела.

Под ст. 107 угол. кодекса подходит и провагодействие властям по хлебозаготовкам.

Обложению не подлежат хозяйства, в которых приходится по 1/2 дес. на едока, с увеличением земли растет прогрессивно и обложение, причем налог платится и с незаезанной земли, находящейся в пользовании у хозяина. Приблизительно налог равняется 15% годового урожая, а кроме того облагается еще чистая прибыль с хозяйства; вот здесь то „кулаки“ больше всего и страдают; благодаря таким порядкам каждый с.-хоз. старается иметь, как можно меньше земли.

Нанимать батраков хозяева просто боятся, т. к. это считается уже эксплуатацией и влечет за собою большие неприятности в смысле увеличения налога, лишения голоса, перевода в кулаки и т. п.

Неспокойней всего живется хозяевам вблизи железных дорог, на дальних хуторах куда лучше и тише и там — даже коммунисты, по их же выражению „раздаются“.

Широкая когда-то машинизация кубанского с.-хоз. хозяйства отошла в область преданий. Машин большая нехватка и подвоз их происходит в очень незначительном количестве, да и то с курьезами. Часто привозятся не те машины, в которых ощущается нужда, т. напр., вместо плугов привезут бороны, а вместо косяков — сеялки, косилки же придут тогда, когда все скошено и т. д. и т. п. до бесконечности.

Садоводство, огородничество и виноградно-хозяй-

ство влечет самое жалкое существование. Больших садов нет, они поделены; старые сады выродились, а на замену нет саженцев, т. к. нет культурных питомников, в которых можно бы было покупать деревья на замену; нет специалистов; нет разных приспособлений для удобрения в порядке садов и виноградников. Последние кое-как еще сохранились, но немного, в районе Анапы и ст. Крымской, но качество винограда значительно ухудшилось. Из него дают не особенно хорошее вино, которое продается по 1 р. 50 к. четверть, сам же виноград стоит 8 коп. фунт, равняющийся 400 граммам.

Были потуги завести селекционные станции. Между прочим, был расширен екатеринодарский Круглик и передан в ведение с.-хоз. института. Там старые работники добились выращивания приличных семян — хлебных и масличных; семена эти раздавались организациям, а действительно нуждающемуся населению их не хватало. Часто семена отправлялись в такие районы СССР, где по условиям климата и почвы всходы из них пропадали, или семена в дороге гнили и прели, благодаря небрежности и незнанию правил ухода за ними. Вообще с распределением семян и с.-хоз. ссуд на Кубани царит большая бесполовщина.

В то же время соввласть принимает всевозможные меры для того, чтобы, как можно больше, выколотить зерна от населения.

Продукты извлекаются под давлением и по твердым ценам значительно ниже рыночных, в результате чего все дело сводится просто к принудительной продаже. Хлебозаготовки производятся коммунистами, причем чтобы не было поблажек, то коммунисты кубанские назначаются на эту работу на Терек или в иные края, а те наоборот — на Кубань. Эти хлебозаготовщики самым бессовестным образом обдирают казачье население. Разумеется, что кубанские хлебобобы не остаются в долгу — при каждом удобном случае они нападают на этих паразитов и насильников, обстреливают их по ночам, избивают и даже убивают их; в результате этого коммунисты стараются увильнуть от назначения на хлебозаготовку.

Планы большевиков были широки; к имевшейся на Кубани старой сети элеваторов, соввласть построила еще массу новых, использовавши для этого план и работу спецов времени Кубанского Краевого Правительства. Так, напр., на Черноморьи построено около 10 новых элеваторов, на линии Кавказская—Екатеринодар — 2 новых, Тихорецкая—Екатеринодар — 2, Армавир—Майкоп — 4. Нет почти ни одной узловой или крупной станции, где бы не был выстроен элеватор, вмещающий десятки тысяч пудов зерна.

Строятся они из дерева и покрываются цинкованным железом, постройка идет под наблюдением инженеров и никогда не встречает сопротивления у администрации. Проекты составляются на месте, а утверждаются в Москве.

Все элеваторы снабжены моторами, зерноочистителями и имеют электрическое освещение. Их сетью заведует на Кубани „Союзхлеб“, подчиняющийся наркомторгу; правление „Союзхлеба“ находится в Москве.

Элеваторы отчасти наполняются зерном в июле и августе; хлеб очищается и немедленно грузится, отправляют его за границу для обмена на хорошую валюту, в остальное время элеваторы пусты и ни один из них даже не самоокупается. Аналогичное явление и на Дону.

До чего доходит погоня за зерном, можно видеть из следующих примеров:

В одной из станиц, казак, зная, что придется докупать хлеба, спрятал один мешок в копну сена. Кто-то из соседей бедняков или батраков подсмотрел и донес. На другой день явилась милиция с ордером ГПУ, на обыск; искали „оружие“. Все отлично знали, что никакого оружия нет, а ищут зерно, поэтому милиция сразу и направилась к скирде и вытащила пшеницу. Казаку было очень неприятно и пришлось выдумывать всевозможные объяснения — почему зерно очутилось в сене. Милиция нашла оправдания удовлетворительными, но предложила хозяину сдать зерно на пункт по установленной цене, что тот, конечно, немедленно и сделал.

В другом случае иногородняя спрятала зерно в кровать; нашлись люди, которые донесли. Пришла с обыском милиция и нашла спрятанное. Бабе пришлось отговариваться тем, что она сушила зерно в чате. Ответом удовлетвоались, но, найдя зерно сухим, предложили сдать его на ссыпной пункт по совцене, что баба с „радостью“ и исполнила. Вообще очень трудно собрать что-либо для действительно необходимого потребления свыше совнормы — найдут, отберут и жестоко покарают.

На Кубани сейчас ощущается весьма большой недостаток пшеницы. Не редки случаи, когда на мельницы приносят пшено с просьбой смолоть его на муку. Делают хлеб и из кукурузной муки с примесью ячменной, отрубей и других суррогатов; много мельниц перестраивается для помола кукурузы и даже такая большая мельница, как Ершова, в Екатеринодаре, переходит на кукурузу. Она сейчас государственная и хорошо оборудована, соединена даже со станцией железнодорожной веткой, проходящей по улицам города.

Соввласть поддерживает, отчасти только, мукомольную и маслобойную промышленность; добывающая же и обрабатывающая находятся в плачевном состоянии. Масла перерабатываются на саломас, который немедленно вывозится из Края. Чтобы точнее судить о способах поддержки промышленности Кубани соввластью, достаточно указать на то, что нормально разбираются два-три старых завода и из полученного материала кое-как подлатывается четвертый, в данное время нужный для властей.

Сам наш спец, технорук, по приказанию свыше разобрал несколько технических предприятий — мельниц, кожевенных заводов и подлатывал другие заводы; забирался не только станки и моторы, а даже черепица и иной кровельный материал.

С продуктами на Кубани плохо, все лучшее увозится в центр. Снабжение происходит через кооперативы, и в первую очередь удовлетворяются члены профсоюзных, а сельское население потом. Выдается все по книжке, а чтобы ее получить надо состоять в профсоюзе или быть полноправным гражданином. Частная торговля существует, но в весьма скромных размерах; т. к. все находится на учете и немилосердно доится налоговой системой; поэтому усердно процветает торговля из-под полы, которой не гнушаются и привилегированные граждане, вроде коммунистов, продающие вещи и материалы, получаемые по книжкам из кооперативов.

В страшном упадке на Кубани и рыболовство, из-за отсутствия новых сетей и материалов для починки старых снастей; промысел этот прозябает. Рыбы продается мало и цена соленой и свежей одинакова и рыба равноценна с мясом. Соленая рыба на Кубани отвратительна, что объясняется незнанием способов солики соработниками, заведующими рыбным делом: так напр. — рыбец режут пополам, сельди недосоливают и местные сельди почти сплошь продаются полугнилыми. На рынке есть и хорошие сельди, но они привозятся на Кубань из... Японии.

Вообще обеднение и обнищание повсюду страшное.

(Продолжение следует).

Письма оттуда.

Здравствуй премоноуважаемый Братец!

Шлем тебе сердечный привет и низкий поклон.

Дорогой братец, ты знаешь какова у нашего родителя обстановка — жизнь его вся в прошлом. Годы проходили в несчастьях...

Этот-же год затеяли свадьбу как раз тогда, когда происходили платежи налогов по самообложению в связи с хлебной заготовительной кампанией, которая чуть не вытянула у папаши душу.

Замуж выдали, но ничего не справили.

Дорогой Братец, не оставь ты нас без помощи, пришли на нашу несчастную жизнь сколько можешь денег, хоть как-нибудь помоги в нашей нужде...

Твоя сестра.

2/29 г., Куб.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 1.

Вышла из печати книжка

И. А. БИЛОГО

„КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ“

Отдельный оттиск исправленных статей из номеров 19—23
журнала „В. К.“, с приложением таблиц и карты Земель
Европейского Казачества.

Ограниченное количество экземпляров поступило в продажу.

Цена 5 к. ч.

Обращаться в редакцию „Вольного Казачества“.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 2.

Готовится к печати книга

И. Ф. БЫКАДОРОВА

I. Историческая жизнь на Востоке Европы и происхождение Казачества.

II. Образование вольных казачьих республик (Донского, Волжского, Яицкого и Терско-Гребенского Войск), и основы их существования в период государственной независимости (до 1671 года).

Открыта подписка на 1929 год

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество ≡ ≡ Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0,75 зл.,
в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других
странах — 15 ам. ц.